Анна Платунова
Наталья Шнейдер
БОЛЬНИЦА
в Гоблинском переулке

Больницы в магическом мире

Анна Платунова

Больница в Гоблинском переулке

«Автор»

2022

Платунова А. С.

Больница в Гоблинском переулке / А. С. Платунова — «Автор», 2022 — (Больницы в магическом мире)

Практика не задалась с самого начала. Больница в бедном квартале провинциального городка! Орки-наркоманы, матери-одиночки, роды на дому! К каждой расе приходится найти особый подход. Странная болезнь, называемая проклятием некроманта, добавляет работы, да еще и руководитель — надменный столичный аристократ. Рядом с ним мой пульс учащается, но глупо ожидать, что его ледяное сердце способен растопить хоть кто-то.Отправляя очередной запрос в университет, я не надеялся, что найдутся желающие пройти практику в моей больнице. Лечить мигрени столичных дам куда приятней, чем копаться в кишках бедолаги, которого пырнули ножом в подворотне. Но желающий нашелся. Точнее, нашлась. Студентка, отличница и просто красавица. Однако я ее начальник и мне придется держать свои желания при себе.

© Платунова А. С., 2022
© Автор, 2022

Содержание

*** 1 *** 5
*** 2 *** 8
*** 3 *** 11
*** 4 *** 14
*** 5 *** 17
*** 6 *** 20
*** 7 *** 22
*** 8 *** 25
*** 9 *** 28
*** 10 *** 30
*** 11 *** 32
*** 12 *** 35
*** 13 *** 38
*** 14 *** 40
*** 15 *** 42
*** 16 *** 44
Конец ознакомительного фрагмента. 47

Наталья Шнейдер, Анна Платунова
Больница в Гоблинском переулке

*** 1 ***

Практика не задалась с самого начала.

Поезд задержался на два часа и прибыл на крошечный деревянный вокзал городка Свиное Копытце – не название, а издевка, честное слово! – когда уже стало смеркаться. И опоздал он, конечно, не просто так: небеса разверзлись и, казалось, решили вылить на головы несчастных горожан все весенние дожди разом. Весна выдалась солнечной и сухой, а вот первый день лета вернул все сторицей.

Я не столько вышла, сколько вывалилась на платформу, подгоняемая свистком дежурного по станции.

– Быстрее, голубушка! – крикнул он, стараясь переорать шум ветра и грохот дождевых струй. – Стоянка две минуты!

Я бы и рада быстрей, да чемодан, набитый книгами, весил как целый дом. Когда я набирала их в библиотеке, то совсем не задумывалась, что мне придется тащить их на себе. Но я так волновалась перед предстоящей практикой, что как ни старалась – не могла отказаться ни от одной. «Зелья и микстуры», «Краткое руководство начинающего целителя», «Краткое описание физиологии распространенных рас» в трех томах – это лишь немногие из книг, которые я везла с собой. А «Справочник по оказанию акушерской помощи» – как без него?

Кое-как я открыла зонт, но он тут же вывернулся наизнанку. Да и руки заняты – разве что в зубах его понесу. Так и побрела к остановке экипажей: в одной руке саквояж с моим нехитрым скарбом, в другой – тяжеленный, обшитый кожей василиска чемодан с фолиантами. Василиски каждый год сбрасывают кожу, а с покупателей готовы содрать за нее последнюю шкуру. Зато кожа василиска не промокает и не трескается. Чемодан мне одолжила соседка по комнате – Луиза. Ее обучение оплачивали родители, они же осыпали любимую дочь деньгами, только учись! Но Луиза предпочитала шумные компании и студенческие вечеринки. Правда, и жадиной не была.

Мысли о хохотушке-эльфийке, которая никогда не поддавалась плохому настроению, отвлекали меня от холодных ручейков воды, затекавших за шиворот и в ботинки да и, что говорить, уже пропитавших одежду насквозь.

Стоянка экипажей пустовала. Неудивительно, что в такую непогоду они пользуются спросом! Я растерянно огляделась и заметила новомодный мобиль: чудо-техника, повозка без лошадей. Говорят, она работает на магических кристаллах. Стоила такая механическая игрушка целое состояние.

Орк, сидящий за рычагами управления, приветственно помахал рукой.

– Какой у вас жалкий вид, бедняжка, – посочувствовал он, приоткрыв окно. – Если наймете меня, сброшу пару монет.

Я шмыгнула носом, откинула со лба прилипшие пряди – они незамедлительно прилипли снова – и важно спросила:

– Сколько?

Пусть не думает, что я не могу заплатить! Я откладывала с каждой стипендии и брала ночные смены в больнице – подрабатывала сиделкой, специально чтобы на практике не думать о деньгах.

– Для вас – десять медных монет.

«Сколько?» – едва не задохнулась я.

Нанять обычный конный экипаж в три раза дешевле. Но выбора не осталось: во-первых, у меня скоро оторвется рука или ручка у чемодана – как пойдет, а во-вторых, я понятия не имею, где искать Гоблинский переулок, в котором куратор курса сняла для меня комнату в доходном доме с пансионом. Я только знала, что больница, где мне предстоит проходить практику, располагается неподалеку.

– Хорошо! – гордо сказала я. – Но вы поможете мне положить чемодан в багажное отделение.

Орк, ворча, выбрался наружу, а я нырнула в салон, пахнущий кожей. Потерла друг о друга дрожащие от холода ладони и достала из наплечной сумочки клочок бумаги, на котором был записан адрес.

– Гоблинский переулок, шесть.

Возница, уже вернувшийся на свое место, оглянулся и уставился на меня со странным выражением лица. С эмоциями у орков беда, их физиономии будто из куска гранита вытесали: квадратные челюсти, квадратные носы, крошечные глаза. Но, клянусь, этот смотрел с изумлением.

– Вы точно уверены, что вам именно туда? – буркнул он. – Юным леди там не место!

– Я не леди! – отрезала я. – А целитель!

Смутилась под недоверчивым взглядом и уточнила:

– Будущий. Пока окончила третий курс и направлена в ваш городок на практику. В больницу, что находится в Гоблинском переулке. Слышали о такой?

– А, это та, где ошивается всякое отребье?

Я пожала плечами. Потом кивнула. Вдруг захотелось выбежать из мобиля, остановить поезд, запрыгнуть в вагон и немедленно отправиться в обратный путь. Но нет, разве я отступлю перед трудностями?

Орк остановил свой чудо-агрегат посреди огромной лужи. Впрочем, все тротуары города превратились в одну большую лужу. Дождь, вопреки ожиданиям, лить не перестал, наоборот, усилился.

Возница вытащил вещи, вручил мне. Мобиль, который сейчас больше напоминал лодку, чем сухопутное средство передвижения, скрылся в туманной дали, поднимая волны.

Я почти одолела полосу препятствий в виде бурного ручья и даже вступила одной ногой на бордюр. Но тут ручка чемодана все-таки не выдержала! Он грохнулся, раскрылся, и книги, драгоценные книги, за которые университетский библиотекарь задушит меня собственными руками, разлетелись по дороге.

В спешке я принялась собирать их и перетаскивать на крыльцо дома, в котором мне, по всей видимости, предстояло жить. Медная цифра «6» качалась на цепях, привешенных к козырьку. Случайный прохожий – мальчишка-гоблин – присел над фолиантами, и я уже хотела сказать ему сердечное спасибо за помощь, как внезапно он, паршивец, схватил два тома и бросился бежать, расплескивая воду.

– Вернись, гад! – кричала я вслед. – Вернись, а не то уши тебе надеру!

Но он, конечно, даже не обернулся.

Дверь приотворилась, и на пороге появилась пожилая гоблинка в кружевном чепце и замызганном фартуке, посмотрела, как я собираю оставшиеся книги, и подозрительно спросила:

– Ты чё орешь как оглашенная? Ты кто такая и что тебе надо?

– Я… я… Вот!

Я протянула ей смятую и мокрую бумажку с адресом.

– Университет должен был снять комнату для меня в вашем доме!

– А-а-а, так ты студенточка? Как ее там… Грейс…

Она пощелкала пальцами, вызывая в памяти имя.

– Грейс Амари, – подсказала я.

– Точно. Ну заходи! Ноги тщательнее вытирай да подол платья выжми, неча мне тут грязь разводить.

Я кивнула. Сейчас я была согласна на все и мечтала лишь о кружке горячего молока и о сухой постели. Хорошо, что в больницу мне нужно только утром. Первым делом следует представиться своему руководителю практики. Интересно, как мне его разыскать?

*** 2 ***

– Паршиво выглядишь. – Киран, бессменный ночной дежурный больницы, как всегда, был возмутительно бодрым и свежим. Будто это он, а не Ланс провел ночь – точнее три часа, что от нее остались, – в собственной постели. – Думаешь впечатлить монну Озис загадочной бледностью и синяками под глазами?

– Монну Озис? – переспросил Ланс, снимая уличный сюртук. – Она здесь?

– Караулит под дверью твоего кабинета. Дело личное и срочное.

Ланс застонал. Общения с монной Озис ему хватило вечером, на благотворительном балу. О чем таком важном и срочном она вспомнила с утра пораньше?

– Ни одно доброе дело не остается безнаказанным, – хохотнул Киран, поняв все без слов. – Завел бесплатную больницу – изволь общаться с дамами-благотворительницами.

– Порой мне хочется стать старым горбатым гоблином. – Щегольскую батистовую рубашку сменила льняная, подобающая скорее рабочему, чем наследнику одного из старейших родов Бурелесья.

– Тогда дамы будут не так охотно раскошеливаться. Вряд ли лорд-канцлер оценит, что его сын растратил семейное состояние на лечение всякого сброда.

– Из семейного достояния я и медяшки не взял, Осинки – мои.

Настроение, и без того не слишком хорошее с утра, испортилось окончательно. Нет, имение давало хороший доход, очень хороший, но отчет управляющего лежал в кабинете уже неделю, а Ланс так и не удосужился его просмотреть. Двух с половиной целителей – Белинда приходила, когда появлялось особенно много работы, – больнице не хватало. Нужны еще руки и головы, но где ж их взять! Пятый год подряд Ланс слал запросы в университет, обещая бесплатную практику будущим целителям и рабочее место выпускникам, и год за годом не получал ответа.

Обучение в магическом университете стоило дорого, и те, чьим семьям это было по карману, считали ниже своего достоинства возиться с рахитичными детьми, подростками, получившими нож под ребро в темной подворотне, юными роженицами, не знавшими, кто отец их ребенка, и прочим «сбродом». Рекомендовать зелья против подагры и капли от чрезмерного волнения было куда проще и прибыльней. Хорошую практику покупали задорого, но и доход она приносила куда больше, чем жалованье в больнице заштатного городка.

Так что Ланс готов был благодарить всех богов вместе взятых хотя бы за Кирана – сорокалетний человек имел на десяток лет больше практического опыта, чем он сам, и, оставив на него ночную больницу, можно было ни о чем не беспокоиться до утра. Да и за Белинду, даром что эльфийка приходила лишь на пару часов в день. Подменить Ланса, пока тот объезжает платежеспособных пациентов и тех, кому уже незачем постоянно оставаться в больнице, но нужны периодические осмотры, а нет сил дойти до целителя самому.

– Подождет монна Озис, – решил Ланс. – Пойдем посмотрим, что там у нас.

Киран кивком пригласил начальника идти первым. Пристроился сзади и чуть справа, как всегда.

– Трое новых. Орка благополучно разродилась. – Последовал отчет о продолжительности родов, длине и весе ребенка и его состоянии. – Если все будет хорошо, завтра уйдет домой, к родителям. Человеческий мужчина, печеночная недостаточность. Человеческая женщина, проклятие некроманта.

Ланс помрачнел. Никто толком не знал, откуда берется эта дрянь.

Обычно начиналось с пальцев ног – они чернели и усыхали; реже, наоборот, раздувались. Омертвение неотвратимо поднималось все выше и выше, пока не отнимут конечность или пока тело не перестанет справляться с ядами, которые выделяла мертвая ткань. Это очень походило

на гангрену – но пострадавшие не могли припомнить ни серьезных ран, ни обморожений, ни воздействий едких зелий. Учебники говорили, что чаще страдают существа зрелого возраста, но, по наблюдениям Ланса, пациенты чаще были молоды, а то и вовсе юны.

Болезнь называли проклятием и поговаривали, будто некроманты прошлого таким образом тянули из своих жертв жизненные силы, сохраняя вечную молодость, ведь старятся даже эльфы, хоть и куда медленнее людей. Но на тех пациентах, с которыми сталкивался Ланс, он не находил следов магии – точнее, необычных следов, так-то магия пронизывала весь мир, и некоторые заклинания, амулеты и зелья были доступны даже его пациентам.

Да и на месте зловещего некроманта сам Ланс выбрал бы городок побольше и поинтересней, чем Свиное Копытце. Правда, многие говорили и про него самого, дескать, такой талант в захолустье хоронит.

Он поклонился монне Озис с другого конца коридора, всем видом давая понять, что ужасно занят, и вошел в первую палату.

Здесь все пациенты были ему знакомы. Эльфийка после аппендэктомии. К обходу она прихорошилась: подрумянила щеки, подкрасила невесть откуда добытой помадой губы, причесала волосы, разложив золотистые локоны по подушке. Ланс коснулся ее живота, убеждаясь, что восстановление идет как надо. Девушка хихикнула.

– У вас руки холодные, щекотно. Давайте согрею. – Она потянулась взять его ладони в свои.

Ланс поднялся, улыбаясь ей дежурной улыбкой.

– Регенерирующее заклинание я подновил, завтра утром подправлю его в последний раз, и уйдете домой.

– Везет, – проворчала старая гоблинша с соседней койки. – Наконец-то избавится от больничных харчей.

С переломом шейки бедра придется повозиться: магия магией, а восстановительные способности организма с возрастом уменьшаются у всех рас.

– Ничего, еще дней десять, и вы на своих ногах отсюда уйдете. – Ей Ланс улыбнулся искренне; несмотря на ворчливый нрав и стремление рассказывать о своей дюжине внуков всем, кто не успеет убежать, старая гоблинша ему нравилась.

– И зря вы нашу еду ругаете, – вмешался Киран. – Прекрасно готовят, я только здесь и питаюсь.

– Сразу видно, что вы холостой мужчина, – проворчала гоблинша. – Вот невестка моя старшая готовит – ум отъешь, а у вас… – Она махнула рукой.

Третьей была человечка, решившая повыдергать волосы любовнице мужа. Неверно оценила соотношение сил – противница отделалась сломанным носом, а вот она сама очень неудачно упала на бордюр и теперь будет еще неделю лежать, пока срастается позвоночник. Повезло, что неверный муж притащил ее в больницу через четверть часа после потасовки, пока еще можно было соединить поврежденный спинной мозг.

– Отпустите меня! – Она покосилась в сторону Марты, сиделки и охранницы, меланхолично щелкавшей спицами в углу.

У Ланса дома лежали носки от Марты с вывязанными черепами, подаренные на Венец зимы. Надевать их было некуда, но в подарке главное – внимание. А вот Киран свои носки со снежинками зимой носил, да и Белинда порой щеголяла носочками с кошачьими лапками.

– Пока я тут у вас валяюсь, этот … ни одной … не пропустит, всех …!

– Вас никто не держит. – Ланс пожал плечами, исподтишка сотворяя парализующее заклинание. – Можете идти.

Женщина дернула руками, приподнялась на локтях, пытаясь сесть и рухнула на подушку, разразившись ругательствами.

– Скажи спасибо, что мэтр Ланселот вставать запретил, оттаскала бы тебя за патлы и рот с мылом вымыла! – рявкнула гоблинша.

В ответе приличными оказались только предлоги. Ланс терпеливо подождал, пока она иссякнет.

– Я не ваш отец и не муж, чтобы вас воспитывать. Но если уйдете из больницы, то уже завтра с утра будете чувствовать себя как сейчас. Всю оставшуюся жизнь. Полагаете, это заставит вашего мужа начать хранить вам верность?

Она снова ругнулась, но уже без особого рвения.

– Ладно. Сколько мне еще тут …?

– Еще четыре дня. Заклинание развеется через полчаса, надеюсь, этого времени вам хватит, чтобы все хорошенько обдумать.

Он снова окинул взглядом палату, улыбаясь всем и никому.

– До свидания, дамы.

*** 3 ***

В мужской палате Ланс в последний раз подновил заклинание и отпустил восвояси паренька, вчера схлопотавшего нож под лопатку и каким-то чудом сумевшего дойти до больницы на своих ногах. С его соседом пришлось повозиться: чинил крышу и улетел с высоты трех этажей прямо на груду снятой черепицы. Повезло, что оборотень – человека бы спасти не удалось.

– Мэтр Ланселот. – Мужчина средних лет краснел и мялся, точно подросток на свидании. – Мне бы отдельную комнатенку. Хоть в чулане, хоть на чердаке. Завтра полнолуние.

– Вы же не теряете разум, так зачем прятаться? – вмешался Киран.

– Люди все равно пугаются. Да и насчет разума… вообще не помню, как меня сюда привезли, вдруг опять выключится?

Ланс нахмурился. Процесс превращения оборотня, конечно, приятным не назовешь, хотя видывал он и похуже. И по поводу сознания беспокоиться не стоит. Ничего удивительного, что мужчина с ушибом головного и спинного мозга, разрывом селезенки и внутренним кровотечением потерял сознание.

– Комнату мы найдем, но меня больше беспокоит другое. Вы сможете не шевелиться сразу после оборота? – поинтересовался Ланс.

– Не уверен. Это важно?

Киран недоуменно посмотрел на начальника, через миг лицо его прояснилось.

– Понял. Заклинание, скрепляющее кости.

Ланс кивнул. Чары, ускоряющие заживление, никуда не денутся, но те, что скрепляют кости, пока они не срастутся окончательно, – просто своего рода волшебные лубки. Анатомия животного отличается от человеческой, точки прикрепления заклинаний изменятся. Не поранит ли магия ткани, как поранил бы их гипс, врезавшись в тело? Или, наоборот, перестанет держать, и, если волк вскочит на ноги в те полмига, когда сознание оглушено оборотом, толком не сросшаяся конечность сломается снова.

Он попытался припомнить, читал ли что-то про подобные случаи, но безуспешно.

– Об этом не беспокойтесь, мэтр Ланселот, и вы, мэтр Киран. На нас все заживает, как на собаках. – Оборотень хохотнул.

Может, и правда. За все пять лет, что Ланс держал эту больницу, оборотня после травм он лечил второй раз и… Вспомнил!

– Комнату мы вам выделим, – улыбнулся он. – И, как отдохнете после оборота, можете идти домой. Я предупрежу ночную смену.

Он коротко глянул на коллегу – поймет ли? Тот кивнул. Во время оборота сломанные кости и поврежденные органы фактически выстроятся заново. Пациент уйдет на своих четверых и больше про травмы и не вспомнит.

Третьим в палате был тот, что поступил ночью. Киран кратко, но не упуская ничего важного, изложил анамнез – пожелтел неделю как, поступил сегодня под утро, принесли родственники, обнаружив без сознания. Краткое обследование подтвердило диагноз, и назначения ночной дежурный сделал правильные. Универсальное противоядие и заклинание, чтобы ускорить регенерацию печеночных клеток.

Завтра-послезавтра уйдет как новенький, возможно, через пять-семь лет окажется в еще худшем состоянии, чем сейчас, потому что пить не бросит, сколько его ни предупреждай. Характерная сутулость, тонкие для мужчины руки и сизые прожилки на носу говорили о том, что этот человек закладывает за воротник не первый год, а может, и не первое десятилетие. Надо добавить к зельям снотворное, чтобы унять беспокойство и раздражительность, которые непременно появятся, когда организм поймет, что его лишили спиртного.

С родильницей и вовсе ничего не нужно было делать, только убедиться, что все в порядке. Может, даже вечером Ланс ее и отпустит, орка и так начала ворчать, дескать, бабки в поле рожали, а она, как неженка, на кровати валяется. Сразу видно – у нее первый ребенок, матери со стажем, наоборот, пользовались возможностью день-два отдохнуть в палате, пока за детьми и хозяйством присматривают бабушки.

Немного сегодня пациентов, лето, в больницу попадают только те, кому совсем невмоготу. Осталась последняя.

Пациентку, которую вечером привезли родственники из пригорода, Киран устроил в отдельную палату. Запах мертвой плоти шибанул в нос, едва Ланс открыл дверь.

Женщина с мягким круглым лицом смотрела на целителей с надеждой, которую они оправдать не могли. Ланс говорил и видел, как на этом лице проступает отчаяние.

– Я не хочу стать калекой, – прошептала она.

– Ни один целитель не в силах оживить то, что уже мертво. Мне очень жаль.

Женщина кивнула, глаза ее стремительно наполнялись слезами.

– Я понимаю… Просто…

– Мы отнимем ноги ниже колена. Можно сделать протезы. Вам придется заново учиться ходить, но вы сможете справляться без посторонней помощи.

– Мои братья меня не бросят. – Она помолчала. Добавила резко: – Когда? Не хочу передумать.

– Сегодня. Мы дадим вам снотворное зелье, чтобы вы не волновались, прямо сейчас. Еще одно, сильное, перед самой операцией, и поддержим сон заклинанием. Вы ничего не почувствуете, – пообещал Ланс.

Выйдя из палаты, он поколебался мгновение, раздумывая, не провести ли операцию прямо сейчас, оттягивая беседу с монной Озис. Нет, сочтет за пренебрежение и разобидится, а обижать благотворительниц нельзя, как бы навязчивы они ни были.

– Простите, что заставил вас ждать, – преувеличенно бодро произнес он. – Пациенты требуют внимания. Ведь все это ради них, в конце концов, верно? – Он жестом пригласил гостью в кабинет. – Чай? Кофе? – поинтересовался Ланс, когда все полагающиеся этикетом слова были произнесены и посетительница устроилась в кресле.

– Кофе. У вас великолепный кофе.

Ланс пристроил джезву на спиртовку – после утреннего обхода и лечения, да перед операцией тратить магию на то, чтобы сварить кофе, не хотелось.

– Я принесла собранное на вчерашнем балу, – сказала монна Озис.

Она выложила на стол банковский чек. Вчера в конце благотворительного вечера ящик с пожертвованиями открыли и пересчитали собранное под аплодисменты гостей. Но обычно дама являлась с чеком к обеду, хорошенько выспавшись после бала.

– Вы, как всегда, полны энергии, – улыбнулся ей Ланс, едва удержав на языке «в вашем-то возрасте».

Он порой завидовал неукротимому стремлению к деятельности этой дамы и надеялся, что к ее годам будет хотя бы вполовину так же бодр.

– Чем быстрее вы пустите деньги в дело, тем лучше, верно? – Она вернула улыбку.

Ланс набросал расписку, протянул благотворительнице, добавив:

– Хотите ознакомиться с бухгалтерской книгой?

– Что вы, что вы, – ожидаемо замахала она руками. – Как вы могли подумать, будто кто-то из нас усомнится…

– Все же я сделал для вас копию. – Он протянул ей листы, исписанные цифрами. – Может быть, сгодится вместо снотворного.

Одна и та же сцена повторялась вот уже который год. Ланс не сомневался, что отчет монна Озис изучит сегодня же со всей тщательностью. Вдова предыдущего мэра города, по слухам,

держала в ежовых рукавицах и мужа, и его подчиненных. По тем же слухам, при прежнем мэре город сильно изменился к лучшему.

Лансу трудно было об этом судить, после столицы городок Свиное Копытце показался ему сонным и бедным. Потом он привык.

Монна Озис убрала бумаги в сумочку, поблагодарила, когда Ланс подал ей кофе.

– Окажите мне любезность, дорогой мэтр Ланселот, – сказала она. Пригубила кофе, жеманно оттопырив мизинец. – Моя двоюродная племянница очень хочет стать целителем.

Так вот почему она явилась так рано! Подготовить почву.

Приехав сюда, Ланс надеялся сохранить инкогнито, но недооценил охотничий азарт провинциальных кумушек. Уже через пару недель все знали и его родословную, и о скандале с разорванной помолвкой. Местные девицы решили во что бы то ни стало «залечить разбитое сердце» молодого столичного холостяка. Со временем их энтузиазм поутих, но старшее поколение так просто не сдавалось.

Это была уже шестая на его памяти двоюродная племянница монны Озис из какой-то глуши, если можно представить себе глушь почище Свиного Копытца. Страстно желающая стать целителем.

– Она так хочет спасать жизни, быть полезной… – Посетительница продолжала заливаться соловьем.

А еще наверняка полагает, что, если упасть в обморок на руки целителю, это наверняка произведет на него неизгладимое впечатление. Что ж, в этом девушки были правы, впечатление они действительно оставили… неизгладимое.

– Похвальное стремление. – Ланс не сумел удержать ехидство в голосе. – Но при осмотре пациентов юная дева может увидеть что-нибудь неподобающее…

Последняя барышня решила грохнуться в обморок при виде мужского органа. Зрелище действительно было впечатляющим – уже взрослый парень подхватил свинку, и та дала осложнения на тестикулы.

– Девочка скоро будет здесь. – Монна Озис многозначительно улыбнулась. – Надеюсь, она вам понравится.

*** 4 ***

Комнатушка мне досталась препаршивая – в мансарде, под самой крышей. Скошенная стена, выходящая на улицу, сделалась влажной из-за дождя. Комнатка вмещала в себя узкую кровать, платяной шкаф, двери которого скрипели, точно души неупокоенных мертвецов, и стол, чья столешница хранила следы пребывания многих гостей. Судя по надписям, некоторые постояльцы использовали поверхность вместо записной книжки. «Кург – пять сереб.», «Горшки в таверну – 10 шт.», – гласили надписи, среди деловых записок попалась даже сентиментальная: «Жужа, ты разбила мне сердце!»

Пахло сыростью. Мечта о сухом постельном белье так и осталась несбыточной. Я ворочалась всю ночь и задремала лишь под утро. Неведомая Жужа явилась ко мне во сне в виде огромного клопа с молотком в руках. Она гонялась за мной, желая разбить сердце. Сон оказался в руку: под утро меня укусил настоящий клоп.

Отлично, что и говорить. Однако каких удобств стоит ожидать от жилья, снятого по дешевке? Университет, как всегда, экономил деньги. Некоторые студенты доплачивали за пансион из своего кармана, но я жила за счет стипендии и перебивалась подработками. Вот и в это забытое богом местечко отправилась лишь потому, что здесь не нужно было платить за возможность пройти практику.

«Ничего! Где наша не пропадала!» – убеждала я себя.

Бытовая магия – не мой конек, но основы я знала, а значит, с клопами как-то справлюсь.

– Какой кошмар тебе предстоит! – от души сочувствовала Луиза, глядя, как я упаковываю книги в чемодан. – Ох уж маленькие городишки! Поножовщина, сломанные в драке носы и ноги, непотребные девки! Моя ты бедняжка!

Но я нисколько не печалилась по поводу места практики – зато приобрету бесценный опыт. Ведь я хочу стать настоящим целителем, профессионалом своего дела!

Поэтому и к знакомству со своим будущим руководителем практики я собиралась подойти ответственно.

Я встала с первыми лучами солнца. Вынула из саквояжа новое платье, которое купила перед поездкой и еще ни разу не надевала. Смочила ткань водой из кувшина и перекинула через дверцу шкафа, чтобы отвиселось. Платье небесно-голубого оттенка с тонким пояском серебристого цвета и кружевным воротничком скорее подходило для званого ужина или похода в театр, но ведь я хочу произвести хорошее впечатление на будущего руководителя практики!

Уборная располагалась в конце коридора – одна на этаж. Тазы, чан с едва теплой водой, жидкое серое мыло в горшочке, веревки под потолком, на которых уже сушились чьи-то кальсоны. Ничего, приспособлюсь!

В гостиной на первом этаже был накрыт завтрак. На столе были вареные яйца, зерновой хлеб, сыр, компот в запотевшем кувшине. Моим соседом за трапезой оказался хмурый и неразговорчивый гоблин, который лишь угрюмо взглянул исподлобья в ответ на мое приветствие.

– Да вы ранняя пташка! – воскликнула госпожа Тоби, хозяйка пансиона, войдя в зал. – Не терпится приступить к делу?

– Не терпится, – согласилась я. – Может быть, вы знаете, где искать больницу?

– Да проще простого. Поворачиваете налево, идете по улице до самого перекрестка, и вот то серое, мрачное двухэтажное здание, рядом с которым вечно ошивается всякий сброд, и есть больница.

– А не знаете ли вы мэтра Ланселота Даттона?

О будущем руководителе практики у меня были скудные сведения. Кажется, он энтузиаст своего дела, больницу для бедных организовал за собственные деньги. Я представляла его пожилым человеком, который решил посвятить остаток жизни благотворительности. Я нафан-

тазировала, что он оставил практику в столице, потому что дети выросли, а жена умерла. Чем еще заняться на старости лет? Я даже немножко гордилась, что стану работать под руководством такого человека.

– Знаю ли я этого высокомерного хлыща? – фыркнула госпожа Тоби, ввергнув меня в изумление подобным определением.

Но я тут же успокоилась, решив, что простоватая хозяйка пансиона использовала для значительности незнакомое слово.

– Разве руководитель больницы может быть легкомысленным и бестолковым? – миролюбиво уточнила я.

– Не знаю, насколько он толков, но вот гонору ему не занимать. Он на таких, как ты, милочка, поглядывает свысока. Так что не надейся, что ты взмахнешь своими длинными ресницами и он тут же растает от взгляда твоих синих глаз.

– О подобном я и не думала! – вспыхнула я, отставляя в сторону недопитый компот. – Спасибо за завтрак.

Страшно представить, чтобы пожилой мэтр вдруг увидел во мне не только практикантку, но и объект желания! Я приехала набираться опыта и учиться!

Из дома я вышла менее чем через полчаса. Волосы собраны в аккуратную прическу, на руках шелковые перчатки, сумочка через плечо. Жаль, нет шляпки. Но все-таки вид вполне приличный!

Серое здание расположилось в десяти минутах ходьбы. Очень удобно, если придется среди ночи сорваться на срочный вызов. У крыльца дремал орк, привалившись к стене и надвинув на глаза дырявую соломенную шляпу. Это и есть тот самый сброд, которым меня пугала госпожа Тоби? Выглядел бедолага вполне мирно.

За порогом в нос ударил характерный медицинский запах, здесь он казался резче, чем в столичной больнице, где я подрабатывала ночной сиделкой. Дежурного у двери не наблюдалось, как и ни одного живого существа в пределах видимости. Взгляду открылся длинный-длинный коридор с чередой дверей.

– Доброе утро, – обратилась я в пустоту. – Есть кто-нибудь?

Голос прозвучал робко и растерянно. Да и какого ответа я ждала? Я пошла по коридору, мельком заглядывая в приоткрытые двери. В одной из комнат, очевидно, перевязочная. В другой дремали пациенты. Светловолосая эльфийка проводила меня озадаченным взглядом. Может, спросить у нее про мэтра Ланселота? Но откуда бы ей знать?

У руководителя больницы должен быть свой кабинет, вот его и стану искать, а если встречу по дороге кого-то из сотрудников, спрошу о начальнике.

Обойдя первый этаж, я отправилась на второй и вдруг услышала быстрые шаги. Я, стоя на площадке второго этажа, увидела светловолосую макушку и широкие плечи. Судя по стремительной походке, незнакомец был молод.

– Здравствуйте, – обратилась я к мужчине, не дожидаясь, пока он меня догонит.

Он поднял голову. Благородные черты лица молодого мужчины лучше документов свидетельствовали о том, что передо мной аристократ. Только они могут смотреть так прямо и открыто, не боясь осуждения: это воспитывается годами. Взгляд оказался холоден и колюч, губы при виде меня сжались в прямую линию.

Я думала, он поинтересуется, кто я такая и что делаю в больнице ранним утром, и приготовилась представиться: «Грейс Амари, прибыла из столичного университета имени святого Умберта для прохождения практики», но мужчина, поравнявшись со мной, ни о чем не спросил, а просто прошел мимо, сверкнув глазами.

За что такая немилость?

– Простите! – крикнула я вслед. – Вы не знаете, где мне найти мэтра Ланселота Даттона?

«Я его новая практикантка», – хотела добавить я, но проглотила слова, пригвожденная к месту насмешливым взглядом серых глаз.

– Это что-то новенькое! – с сарказмом произнес незнакомец. – Племянницы становятся все изобретательнее. Так вы не знаете, как выглядит мэтр Ланселот?

Я покачала головой, недоумевая от его тона.

– Чьи племянницы? – глупо переспросила я.

– Монны Озис, само собой! Так вы, милое дитя, мечтаете стать целительницей?

– Да! – воскликнула я, совершенно искренне.

Он оглядел меня с ног до головы, задержав взгляд на кружевном воротничке и шелковых перчатках. Иронично хмыкнул и махнул рукой, приглашая следовать за ним.

– Что же, тогда перейдем к делу!

*** 5 ***

Мой загадочный собеседник стремительно удалялся по коридору. Грубиян и невежа! Но похоже, он единственный, кто поможет мне отыскать мэтра Ланселота. Потому я вздохнула и припустила вдогонку.

Мужчина прикоснулся к ручке двери, и я ощутила магический импульс, отпирающий замок. Уже интересно – так он маг! И знает нужное заклинание. Выходит, руководитель больницы ему доверяет.

За порогом обнаружилось тесное помещение без окон, уставленное шкафами со стеклянными дверцами и стеллажами с инструментами и препаратами. Я увидела знакомые снадобья, некоторые из них очень дорогие. А другие, облегчающие сильную боль, пользовались спросом не только у страждущих пациентов. Вот, например, вытяжка из желез виверны на черном рынке продается по баснословной цене и называется «Синяя бездна». Действительно бездна, ведь несчастные, подсев на эту гадость, уже не могут вернуться к нормальной жизни. Понятно, почему дверь заперта, да небось и чары наложены непростые!

Пока я глазела на зелья, мой молчаливый спутник жестом пригласил меня выйти. Заглянув в соседнюю комнату, снял с полки сверток, в котором металлически бряцали инструменты. На третьем курсе мы как раз учились собирать укладку на операцию, поэтому я ее сразу узнала.

– Держи!

Сверток внезапно оказался у меня в руках, а я от неожиданности его едва не выронила. Только бы не подумал, что я неумеха.

– Нам предстоит операция? – спросила я, притворяясь, что это для меня привычное дело: пф-ф, по десять операций на дню!

Ответа не дождалась. Мужчина вынул из шкафа несколько склянок, он брал их с полок, почти не глядя, и я пришла к выводу, что он часто бывает в кладовке.

– Где я смогу переодеться?

Я старалась придать голосу профессиональной уверенности, не показать, что у меня трясутся поджилки. Операции до сегодняшнего дня я наблюдала только со стороны, сама не участвовала. Что же, все когда-то бывает впервые.

– Переодеться? Как, разве вы не собираетесь работать в этом замечательном платье?

И откуда столько ехидства?

– Может, у вас хотя бы найдется кожаный фартук? – сдержанно спросила я.

Мужчина впервые отвернулся от полок и уставился на меня как на ожившую скульптуру.

– Вы серьезно собираетесь мне ассистировать? Это даже любопытно.

– Конечно, серьезно! – вспыхнула я.

Никак не могу понять, в чем подвох. Или здесь всем практикантам устраивают проверку на прочность?

– Фартук и косынку выдам внизу.

Он вышел, чуть не прихлопнув меня дверью, я едва успела выскочить – ну что за нахал! – снова запер кладовку заклинанием и размашисто зашагал в обратном направлении.

Я догнала его только внизу, да и то лишь потому, что мужчина остановился и, скрестив руки на груди, ожидал меня на лестничной клетке. Я прямо физически ощутила, как меня окатило холодом: так презрительно он смотрел на меня, запыхавшуюся, семенящую по ступенькам. Проклятое платье оказалось слишком узким, я чувствовала себя в нем ужасно неуклюжей.

– Похвальная поспешность, – процедил он, и это точно была не похвала.

– Но… – начала я и запнулась.

Со спины к вредному господину приближался давешний орк, прежде дремавший у стены, – я узнала его по соломенной шляпе. Однако сейчас он вовсе не выглядел мирно. Да я и

прежде обошла бы его по широкой дуге, если бы разглядела лицо, прикрытое полями шляпы: по щекам змеились черные прожилки. Такие характерные следы на коже появляются у любителей дурманных зелий. Чем крепче несчастные подсаживаются на «Синюю бездну» или на «Сиреневый туман», тем ярче сеть сосудов.

Орк явно давненько сидел на зельях. Он шагал нетвердой походкой, глаза вращались в орбитах, изо рта текли слюни. Жуткое зрелище! Я хотела подать знак своему нахальному спутнику – он, хоть и грубиян, не заслуживает глупой смерти, – но вместо предупреждения с губ сорвался вскрик.

Мужчина слегка приподнял бровь: мол, что за истерический писк? К счастью, он догадался оглянуться и нос к носу столкнулся с жутким посетителем, который подобрался совсем близко.

«Вот так, теперь посмотрим, как ты заорешь!» – подумала я с неожиданной мстительностью.

Признаюсь, мне хотелось, чтобы с лица мужчины слетела его надменная маска. А с другой стороны, если он перепугается и убежит, бросив меня наедине с опасным типом, как мне отбиваться от орка? В голову, как назло, не приходило ни одного боевого заклинания, а ведь я посещала спецкурс и даже сдавала зачет.

Я готовилась к худшему и, прижав одной рукой к груди сверток с инструментами, разминала пальцы и судорожно вспоминала пассы. Однако – удивительное дело! – молодой целитель окинул орка бесстрастным и, я бы даже сказала, скучающим взглядом.

– Чего тебе, дружок?

– Хр-р… – гортанно прохрипел орк, брызгая слюной. – Хде хр-ранятся зел-ля?

Конечно, он пришел за зельями! Да он сейчас из нас всю душу вытрясет, чтобы заполучить флакончик с «Синей бездной»!

Орк точно почувствовал мой испуг или просто заинтересовался, кто это там мельтешит на заднем плане, и перевел на меня мутные глазищи.

– Хде хр-ранятся? – прорычал он и протянул ко мне лапищу.

Я вжалась в стену – спасибо, хоть не заверещала с перепугу. Только на это и хватило моих душевных сил. Ну все, сейчас меня, кажется, станут убивать! Не слишком-то я рассчитывала на помощь со стороны высокомерного сноба и совершенно не ожидала, что нахальный тип заступит орку дорогу.

– Милое дитя, самое время идти домой, – спокойно сказал он мне. – До конца коридора, последняя дверь, за ней черный выход в переулок.

Домой? Серьезно? Не время задавать вопросы, поэтому я коротко ответила:

– Нет.

А потом добавила:

– Чем вам помочь?

Я не видела выражения лица целителя, но, по-моему, удивились даже его уши. Он качнулся с носков на пятки, будто размышляя. Между тем терпению орка пришел конец, и он сгреб мужчину за грудки. Затрещала, разрываясь, ткань рубашки. Я в ужасе зажмурилась. Следом за треском материи раздался характерный треск электрического разряда, а после – звук падения громоздкого тела.

Я распахнула глаза. Целитель стряхивал с ладони синеватые искры – понятно, шарахнул налетчика молнией.

На грохот из палаты выбежал мужчина средних лет, уставился на нашу троицу: на меня, вжавшуюся в стену, на орка, развалившегося на полу, на целителя, с сожалением рассматривающего прореху на рубахе.

– Киран? Ты еще не ушел? Отлично. Помоги мне оттащить посетителя за дверь.

– Снова явился? Я думал, он уже отдыхает за решеткой!

– Видно, у наших доблестных городских стражей есть дела поважней.

Мужчины обсуждали происшествие так, будто каждый день выставляют за дверь обезумевших грабителей. Похоже, права была госпожа Тоби, предупреждая о всяком сброде. Ну и местечко! А мне здесь предстоит работать!

– Только рубашку сменил!

Киран понимающе покачал головой.

– Да, удобная была рубаха, для работы – самое то. Не запотеешь!

Они изучили дыру на груди во всех подробностях, точно рваную рану на теле пациента. Ну что за люди! На полу – неподвижное тело, у стены онемевшая от ужаса девушка, а они прореху в рубахе рассматривают!

– Кстати, а кто это?

Киран все-таки удосужился обратить на меня внимание. Вот спасибо!

– Племянница! – со значением сообщил целитель.

– А-а-а! – откликнулся сотрудник.

– Собирается мне ассистировать.

Они обнялись улыбками. Да что вообще происходит? Что творится в этой забытой богом больнице? Какие-то мифические племянницы, дикие орки! Не принимают ли здешние целители сами запрещенные вещества?

Мужчины схватили орка за руки и поволокли по коридору.

– Дождусь, пока его заберут в каталажку. Покараулю, – сообщил Киран. – Просто так, что ли, больница платит этим лентяям? Должны являться по первому требованию.

Я не знала, что мне делать: идти следом, остаться на месте? Решила, что рано или поздно нахальный целитель вспомнит про меня и вернется. Вернее, вспомнит про инструменты. Ими он точно разбрасываться не станет.

*** 6 ***

Оставив притихшего буяна на попечение Кирана, Ланс вернулся в коридор. Что за день сегодня! Пациентка с редкой и тяжелой болезнью, монна Озис и ее племянница, нелепая попытка ограбления. По отдельности вроде бы мелочи, но все вместе за одно утро – перебор. Еще и рубаха. Тоже мелочь по большому счету, запасная у Ланса была, и не одна, а эту – зашить, постирать, отдать нищим и забыть, но настроение испортилось окончательно.

Он двинулся к кабинету, чтобы переодеться, и обнаружил, что племянница монны Озис так и торчит около лестницы, прижимая к груди укладку. В синих глазах девушки плескалась растерянность. В другой ситуации Ланс бы, пожалуй, ей посочувствовал – это он успел ко всему привыкнуть а в… семнадцать? восемнадцать? – немудрено и перепугаться. Но сейчас только злорадно ухмыльнулся про себя.

Девушка, к слову, была прехорошенькой. Точеное личико, большие глаза, фигурка, которую очень выгодно подчеркивало платье, куда более уместное вечером. Да, с такой внешностью грех довольствоваться провинциальными кавалерами и не поохотиться на столичную штучку. Что ж, в эту игру можно играть вдвоем.

Он стянул через голову рубаху, сделав вид, будто не заметил округлившихся глаз, даже не повернув головы, прошагал мимо нее к своему кабинету. Когда они поравнялись, девушка вцепилась в укладку так, словно намеревалась заслоняться ей от злодея, решившего покуситься на ее честь. Ланс чудом не расхохотался.

Но смех смехом, а работа ждать не будет. И без того задержался.

Выходя из кабинета, он был уверен, что племянница монны Озис бросила укладку и сбежала, но она по-прежнему стояла в коридоре, часто моргая, кажется, вот-вот расплачется. Если в самом деле решит порыдать у него на груди, отправится к тетушке немедленно, решил Ланс.

– Вы еще здесь, милое дитя? – поинтересовался он. – Тогда пойдемте. Надо подготовить операционную.

Он откатил от стены столик на колесах, накрыл его холстиной.

– Идите сюда, покажу вам, как разложить инструменты.

Обычно этим занималась Марта или Берт, санитар, но раз уж Ланс сделал вид, будто верит, что девушку интересует карьера целителя, а не один конкретный целитель, можно и привлечь ее к самой простой работе. На операцию все равно придется позвать и сиделку, и санитара, один вынесет бесчувственное тельце, вторая будет ассистировать. Или послать за Белиндой, раз уж все равно вовремя не начали? Нет, незачем.

– Я знаю, как их раскладывать, – пискнула девушка.

Ланс приподнял бровь.

– Действуйте, милое дитя.

– Простите, не могли бы вы не называть меня так? Я Грейс. Грейс Амари.

– Что ж, монна Амари, – подчеркнуто вежливо произнес Ланс, – извольте наконец разложить инструменты.

Девушка прикусила губу.

– В передний ряд, ближе к оперирующему целителю, выкладываются инструменты, постоянно использующиеся при операции, – произнесла она тоном записной отличницы, хотя голосок подрагивал. – Скальпели, кровоостанавливающие зажимы, ножницы, пинцеты и так далее.

Говоря, она выкладывала упоминаемые предметы. Не так сноровисто, как Марта или любой из работавших в больнице, но явно понимая, что делает. Не лень же было подготовиться! Или в этот раз монна Озис нашла племянницу, которая действительно хочет стать целителем?

– Во второй ряд кладутся хирургические крючки, – продолжала она, – и инструменты, необходимые для конкретного вида операции.

Грейс подняла вопрошающий взгляд на Ланса, и тот сказал:

– Это основная укладка. Дополнительно нам понадобятся жгут, распатор, пилка и рашпиль. Во втором ящике снизу за вашей спиной. Найдете?

– Ампутация? – выдохнула она. – Найду.

– Ампутация, – подтвердил он и добавил: – Еще не поздно уйти.

Хотя именно сейчас представление становилось все интереснее, и Ланс, пожалуй, разочаровался бы, согласись девушка удалиться.

– Нет, я остаюсь, – торопливо возразила Грейс. Пристроила на стол все необходимые инструменты и продолжила: – В последнем ряду располагаются иглы, иглодержатели, шовный материал, дополнительные ножницы. – Она окинула взглядом то, что получилось. – Еще нужны салфетки и марлевые шарики.

– В верхнем ящике. – Ланс покачал головой. – Не ожидал, признаю.

Неужели среди сонма двоюродных, троюродных и прочих племянниц монны Озис нашлась толковая? До сих пор он просто не понимал, как вышло, что родственницы неглупой и хваткой дамы были настолько… не впечатляющи. Или, наоборот, впечатляющи, тут уж как посмотреть. Природа отдохнула? Или, пока не отцвела красота, ум был без надобности?

Девушка довольно улыбнулась, щеки порозовели, словно Ланс сделал комплимент ее внешности, а не знаниям.

– Что ж, если вы не передумали мне ассистировать, надевайте фартук, косынку и нарукавники. Вот здесь. – Он распахнул дверцу высокого шкафа, что стоял у самого входа. – Рукомой с водным артефактом в углу. Я за нашей пациенткой.

Он оглянулся, стоя в дверях.

– И если, пока я хожу, решите, что вам все-таки это не нужно, просто повесьте все обратно в шкаф и ступайте домой. Вы мне очень помогли.

Пациентка, раздетая, укутанная в простыню, ждала в палате. Лицо ее не отражало волнения вовсе, успокаивающее зелье уже подействовало.

– Выпейте. – Ланс вынул из кармана склянку со снотворным. – И забирайтесь на каталку. Вы уснете прежде, чем окажетесь в операционной, а когда проснетесь, все уже закончится.

Интересно, сбежала девчонка или нет?

Она не сбежала. Когда Ланс открыл дверь в операционную, лицо Грейс уже не казалось растерянным, скорее на нем было что-то очень похожее на радостное предвкушение. Ланс невольно вспомнил, как сам едва не прыгал от восторга, когда ему впервые позволили ассистировать на операции. Еще бы, такая возможность увидеть все детали, не стоя в паре ярдов и не заглядывая через головы сокурсников, а фактически находясь в гуще событий! Если оперирует преподаватель – вообще замечательно, все подробно расскажут и не будут злиться из-за не очень умных вопросов под руку.

Или просто девица считает, будто подобрала к нему ключик?

Тошнотворно-приторный запах гниения вполз в операционную раньше, чем въехала каталка. Грейс позеленела, дернула рукой, словно собиралась закрыть нос рукавом, но снова выпрямилась. Да уж, не каждый день приходится обонять трупную вонь от живого человека.

– Помогайте, – велел Ланс. – Беритесь за угол простыни. Раз, два, взяли!

В восемь рук, с Мартой и Бертом, они перетянули пациентку с каталки на стол. Ланс еще раз окинул взглядом девушку:

– Если вас тошнит, тазик для биологических отходов вон там.

Она сглотнула.

– Нет. Я готова. Что делать?

*** 7 ***

– И еще… прошу прощения, но как мне к вам обращаться, мэтр?

Ее притворство начинало надоедать. Ланс подавил желание предложить обращаться по полному имени – граф Ланселот Джордж Филипп Александр Даттон – и сухо произнес:

– Так и обращайтесь ко мне, «мэтр». Имя неважно, раз уж я сейчас в какой-то мере ваш наставник. Или вам нужны не объяснения, а кое-что другое?

– Нет-нет, мэтр! Я очень внимательно слушаю!

– Хорошо. Итак, перед нами то, что называют проклятием некроманта. Я намерен провести ампутацию вот на этом уровне. – Он показал, где именно. – Может быть, вы скажете, почему не ниже, если общий принцип – максимальное сохранение длины конечности?

Он не ожидал ответа, но получил его:

– Может быть, потому что сосуды поражены и выше уровня некроза? Я не сканировала, конечно, и могу ошибаться.

Все интересней и интересней.

– А вы можете просканировать?

Грейс окончательно смешалась.

– Нас учили, но сама делала только один раз.

– Тогда попытайтесь. Любопытно, совпадем ли мы во мнениях.

А еще любопытней, сможет ли она провести обследование. Потому что если сможет – это уже не уровень девицы, из праздного любопытства пролиставшей пару руководств для сиделок. Такому учат на старших курсах университета как минимум.

Неужели монна Озис решила с ним поквитаться за всех предыдущих племянниц вместе взятых и нашла девушку, действительно желающую стать целительницей? И не просто желающую, но и уже начавшую учиться?

– Не торопитесь и не волнуйтесь, – добавил он, глядя, как Грейс разминает дрожащие пальцы. – Времени хватит, а я не кусаюсь.

Кажется, его слова произвели обратный эффект. Но все же она попробовала. Ланс наблюдал, как нога пациентки становится прозрачной, открывая очертания артерий. Сегодня же вечером он нанесет визит даме-благотворительнице и потребует объяснений. Или продолжать делать вид, будто он не понял, как его разыграли, прислав студентку-целительницу вместо очередной светской барышни? Лишние руки не помешают.

– До этого уровня все артерии поражены необратимо, – сказала Грейс. Ойкнула – совсем чуть-чуть отвлеклась, и заклинание истаяло вместе с рисунком сосудов.

– Ничего страшного, показывайте примерно, – подбодрил ее Ланс.

– Вот отсюда проходимость теоретически можно восстановить… – Она заколебалась, потом осторожно добавила: – И судя по тому, что вы выбрали именно этот уровень, намереваетесь так и поступить. Но я слышала, подобное делают только в больнице святой Варвары.

Да, известное на всю страну место, где умеют проводить тончайшие манипуляции с сосудами. Найти и растворить магией тромб в артерии сердца или мозга, убрать узлы вен на ногах или раз и навсегда избавить от такой неромантичной болезни, как геморрой… Туда принимали работать не всех, но Лансу обещали место. До того, как он послал столицу со всеми ее обитателями к потусторонним тварям.

– Не только в больнице святой Варвары, – ответил он. – А теперь помолчите, пожалуйста, потому что мне нужно сосредоточиться.

На какое-то время пришлось выкинуть из головы всех любопытных девиц в мире – работа требовала самого пристального внимания.

– Вот так, – сказал он, повторно просканировав кровоток и убедившись, что все получилось как надо. – Если бы она попала к нам при первых признаках, когда побелели и потеряли чувствительность кончики пальцев, мы бы спасли ноги. Но вернуться назад и что-то изменить мы не можем. Давайте сюда жгут и вставайте вон туда. – Он указал на место по другую сторону стола.

Ланс кинул быстрый взгляд на Берта. Тот понял, тихо сместился за спину Грейс. Но девушка падать в обморок не собиралась. Внимательно слушала – Лансу нетрудно было проговаривать вслух все, что он делает, – и смотрела так, что, казалось, дай волю – сунет нос прямо в рану, чтобы лучше разглядеть его действия. Хотя видно было, что у нее так и не вышло принюхаться и не обращать внимание на запах.

– Держите, – велел он, указывая на рукоятку крючка. – Да не сжимайте так крепко, у вас даже пальцы побелели. Долго вы так не простоите.

Она кивнула и попыталась ослабить хватку. Получилось не очень – руку сведет, как пить дать. Но это ладно, главное, что в обморок падать не собирается, ни притворно, ни всерьез.

– Теперь вот этот. – Он подхватил мышцы еще одним крючком, обнажая кость. – У вас отлично получается.

– Спасибо, мэтр.

Интересно, если Ланс сделает вид, что принял все за чистую монету, надолго ли хватит энтузиазма «племянницы»? Он тоже не прочь пошутить и заставить ее работать. Конечно, ни Белинду, ни Кирана Грейс не заменит, но в больнице хватает дел, не требующих особого опыта.

– Все, можете отпускать.

Грейс отложила крючки, начала разминать кисти – свело, как Ланс и предполагал.

– Что-то не так, мэтр?

Ланс отвел взгляд от ее рук, отгоняя неуместное желание взять девичьи ладошки в свои, легонько растирая онемевшие от напряжения пальцы. Мысленно обозвал себя дурнем. Если бы заметил сразу коротко обстриженные ногти без следов полировки и притираний, понял бы, что перед ним не светская бездельница. Впрочем, поначалу на ней были перчатки…

Он начал накладывать швы. Конечно, можно было бы совмещать ткани, «склеивать» их магией, потом запускать регенерацию. Но куда проще заранее сплести нити-артефакты, сшить все, как должно быть, а потом активировать. Нити заставят ткани правильно срастаться и исчезнут, когда необходимость в них отпадет. Заодно и подавят возможную инфекцию.

– Хотите, накожные швы оставлю вам? – поинтересовался Ланс.

Девушка расцвела так, будто он предложил ей бриллиантовое колье и брачный браслет вместе взятые.

– Очень хочу!

Он пронаблюдал, как Грейс накладывает шов, другой, высунув кончик языка от усердия. Неумело, но очень старательно.

– Заканчивайте здесь, а я пока займусь второй ногой.

Он сделал знак заскучавшему было Берту – подержит крючки, пока девушка занята.

– Что ж, очень неплохо, – заключил он, развязывая фартук.

Берт уже увез каталку со спящей пациенткой, Марта наводила порядок в операционной. Заставлять Грейс ей помогать Ланс не стал.

– Я недооценил вас. Пойдемте, сварю вам кофе в качестве благодарности.

А заодно попробует разузнать, откуда она такая взялась.

Грейс кивнула. Она выглядела уставшей – сказывалась непривычная работа и новые впечатления. Оглядела платье, вздохнув, поправила манжет – когда мыла руки после операции, окровавленная вода попала на слишком узкий рукав, – не обратив внимания, что второй тоже испачкан.

– Очень любезно с вашей стороны, мэтр.

Кажется, она хотела добавить что-то еще, но только снова вздохнула.

Ланс шагнул в коридор и остановился, едва не споткнувшись на ровном месте. Под дверью его кабинета сидела девушка. Тщательно завитые локоны, подкрученные ресницы, платье, подчеркнутая скромность которого стоила немалых денег. Обернулся к Грейс. Снова перевел взгляд на куколку, устроившуюся у него под дверью.

Незнакомка расцвела улыбкой, устремилась к нему.

– Мэтр Ланселот? Монна Озис просила передать вам…

– Мэтр Ланселот?! – Голос Грейс сорвался. – Вы… Вы!

Синие глаза наполнились слезами, но надо отдать девушке должное – она не разрыдалась и не убежала. Только смотрела на Ланса так, словно он каким-то образом обманул ее ожидания.

Куколка меж тем продолжала щебетать:

– …наилучшие пожелания и поручила мне всячески вам помогать…

Ланс медленно выдохнул. Окинул взглядом одну. Другую. Думал, значит, что практикантов, как и все годы до того, не будет. Даже не спросил Грейс, откуда она взялась, будучи уверен, что знает. Давненько он не чувствовал себя настолько глупо.

– Ведь дамы нашего круга должны проявлять милость по отношению к…

– Всячески помогать, значит… – медленно произнес Ланс. – Что ж, можете начать с того, чтобы помочь Марте отмыть операционную от крови и вынести в печь ампутированные конечности.

Губки незнакомки сложились в букву «о».

– Но я не…

– Что, слишком грязная работа для ваших холеных ручек? – ухмыльнулся Ланс.

У этой девушки руки в самом деле ухоженные, белые, в тщательно отполированные ногти была втерта коралловая краска по последней моде.

– Я хочу стать целителем, а не уборщицей!

– Целителем? – ухмыльнулся Ланс. – А вы думали, целитель – это сидеть в чистеньком платьице в кабинете, улыбаясь благодарным пациентам? Вот что такое целитель. – Он потянул за рукав ошарашенную Грейс, показывая кровавые разводы. – Грязь, кровь и бессонные ночи. Передайте монне Озис мою благодарность за желание помочь, но мне нужны помощники, а не белоручки.

– Невежа! – фыркнула куколка и устремилась прочь, стуча каблучками.

Ланс обернулся к Грейс, покаянно развел руками.

– Прошу прощения, монна Амари. Если вы не против, давайте познакомимся заново.

*** 8 ***

Я держала в ладонях чашку с горячим напитком и наконец-то снова начинала чувствовать свои пальцы. Я не столько пила, сколько вдыхала аромат кофе, который постепенно вытеснял из памяти запах разложения и болезни. Чувствовала странное: опустошение и одновременно гордость от хорошо проделанной работы. И совсем немного – злость на мэтра Ланселота Даттона, моего руководителя практики, который, как выяснилось, вовсе не старик.

Злилась я по нескольким причинам. Во-первых, неприятно оказаться пешкой в странной брачной игре, устроенной некой монной Озис, вдвойне неприятно быть втянутой в нее против воли. Пришлось довольствоваться тем, что мэтр Ланселот явно смущен и обескуражен недоразумением.

Потому и не торопил меня сейчас. Сидел в кресле напротив и, сложив пальцы домиком и опершись на них подбородком, рассматривал меня серьезными, внимательными глазами. От прежнего ехидства не осталось и следа. Спасибо и на том.

Вторая причина для злости удивила меня саму. Удивила и раздосадовала! Во время операции, несмотря на смрад, кровь и все, что сопутствует ампутации гангренозной конечности, я поймала себя на том, с каким удовольствием я наблюдаю за руками целителя. За его чуткими пальцами, отточенными движениями. Мельком заметила собственные судорожно сведенные пальцы, вцепившиеся в крючок. Достигну ли я когда-нибудь такого мастерства? А еще – вот незадача! – в глубине души мелькнула мысль, что молодой целитель вполне может быть одинок: на запястье не было брачного браслета.

Он ведь специально стянул рубаху и прошелся так близко, что едва не задел меня плечом. Старался меня сконфузить? А торс у него, надо признать, больше подходил бы для воина, чем для представителя мирной профессии. Хотя опыт по части торсов у меня небольшой.

Какой же идиоткой я себя почувствовала, когда девица, ожидавшая в коридоре, назвала имя. Мэтр Ланселот. Мэтр Ланселот Даттон. Граф. Я просто физически ощутила, как между нами разверзлась пропасть. Мало того что он мой непосредственный руководитель, так еще и наследник древнейшего рода.

«Ну вот так! – сказала я себе строго. – Вот и все. И думать не смей!»

Я сделала большой глоток кофе, вздохнула и поставила чашку на столик.

– Рада знакомству, мэтр Ланселот. Разрешите представиться еще раз, меня зовут Грейс Амари, и я прибыла в вашу больницу из университета святого Умберта для прохождения летней практики.

– Я тоже рад, монна Амари, – ответил он, учтиво улыбнувшись кончиками губ.

– Просто Грейс… Не монна.

Впервые я чувствовала неловкость за свое происхождение. Но чего мне стыдиться? Ведь всего, чего я добилась в жизни, я достигла благодаря собственному упорству. Поступила в университет, отличной учебой выбила бюджетное место, получаю стипендию за знания, а не за красивые глаза или… другие заслуги перед преподавателями. Ходят слухи, что некоторые из профессоров не брезгуют предложениями хорошеньких, но не самых старательных студенток.

Мэтр Ланселот молча выслушал краткую историю моей жизни, уместившуюся в несколько предложений. Родители держат швейную лавку в маленьком городке. Не таком маленьком, как Свиное Копытце, но тоже небольшом: одна центральная улица, ведущая к ратушной площади. Всего и достопримечательностей, что фонтан, построенный десять лет назад к приезду короля.

Родители ждали, что однажды старшая дочь продолжит их дело. Помню, как сидела за раскройным столом, а отец терпеливо объяснял мне, какую шерстяную ткань лучше выбирать на юбку, а какую на пиджак. Однако я уже тогда мечтала совсем о другой судьбе. И нитки с

иголками интересовали меня лишь потому, что с их помощью можно наложить швы на рану… Я штопала плюшевых зайцев и медведей, а родители радовались, думая, что я пойду по их стопам.

Вот я огорошила их своим заявлением, что отправляюсь в столицу, чтобы поступить в университет святого Умберта! К счастью, родители любят меня и приняли мой выбор. Даже собрали в дорогу деньги, которые откладывали на приданое.

– Нечего реветь, мать, – одернул отец плачущую маму, которая уже прочила мне судьбу старой девы. – Коли у девицы есть голова на плечах, то и муж ей особо не нужен!

Я на себе крест ставить не собиралась, но и о замужестве, конечно, еще не думала. Сейчас главное – выучиться и получить диплом.

А мое место за прилавком займет Верика, младшая сестренка. Вот уж кто всегда любил раскладывать товары и общаться с покупателями!

Подробностей личной жизни мэтру Ланселоту я открывать не стала. Ограничилась лишь необходимыми сведениями.

– Да, совсем забыла! Направление на практику!

Я вспомнила, что оставила направление дома. Мэтр Даттон качнул головой:

– Принесете завтра. Я вижу, что вы не самозванка.

С этого незабываемого дня и началась моя практика в больнице.

Не успела я и глазом моргнуть, как пробежала неделя. Я вставала с первыми лучами солнца и, наскоро перекусив, выходила из дома. Аккуратные прически, шелковые перчатки и прочая дребедень были забыты. Волосы собраны в пучок на затылке, а повседневной одежной стало мое дорожное платье – немаркое и удобное. Голубое я отстирала от крови и оставила до лучших времен: если вдруг в выходной захочу прогуляться в город. Но выходных пока не предвиделось, а все, чем я любовалась в Свином Копытце, – участок переулка между домом госпожи Тоби и серым зданием больницы.

Не знаю, положены ли мне вообще выходные. Мэтр Ланселот, видно, отдыхать не собирался, а я не решалась спрашивать.

Возвращалась я в комнатушку уже на закате, падала на кровать без сил: иногда случался такой наплыв пациентов, что и не присесть. Сложных случаев, как в первый день, пока не попадалось, но раны, порезы, переломы, отравления и прочие мелкие неприятности водились в избытке.

Завтрак я проглатывала, почти не жуя, надеясь, что госпожа Тоби не явится поговорить по душам, как утром второго дня. Хозяйку пансиона разбирало любопытство. Мэтр Ланселот и его бегство из столицы были поводом для сплетен и пересудов, и разговоры эти, похоже, не стихали уже много лет. Никто точно не знал, что заставило его приехать в Свиное Копытце.

Гоблинка уселась рядышком, подперла щеку ладонью и принялась задавать вопросы. Правда ли, что мэтр Ланселот холоден, будто ледышка? От одного его взгляда по коже девиц бегают мурашки? Я отделывалась общими фразами, а то и вовсе молчала, делая вид, что усиленно жую.

– Ты ведь слышала, голубушка, что наш целитель опозорил в столице девушку и отказался на ней жениться? – заговорщически произнесла госпожа Тоби. – Думаю, это и есть настоящая причина, почему он сбежал в нашу глушь.

Я едва не подавилась от таких новостей!

– Опозорил?

– Совратил. Ты с ним поосторожнее, милая. Ты вон какая хорошенькая! Так что попользуется между делом и бросит, и глазки твои не помогут. Если уж со знатной девицей церемониться не стал, то тебя и подавно не пожалеет!

Очень муторно стало на душе. Мэтр Ланселот пока вел себя безупречно, но кто знает… А если вспомнить, как он рубаху через голову стянул…

Нет, ерунда! Я тряхнула головой, запретив себе думать, что руководитель практики может оказаться человеком без чести. Но ведь целители вовсе не всегда оказывались безгрешными людьми. Забота о пациентах – это одно, а постель тоже кто-то должен согревать…

Я поклялась себе, что немедленно пресеку все попытки общения вне стен больницы, но не подумала, что вне стен больницы – это и выезды к пациентам тоже.

– Сегодня отправляемся на объезд беременных, – с порога сообщил мне руководитель. – Посмотрите, в каких условиях живут пациентки: это тоже часть практики. Возможно, позже вам придется навещать их самой.

– Да, конечно, – только и сказала я.

*** 9 ***

Стояло солнечное летнее утро, легкая паутинка облаков напоминала кружево на синем атласе неба, теплый ветер доносил из парка запахи цветущих растений, перебивающие даже вонь мусорных куч, сваленных в подворотнях. Я вдруг ощутила безотчетную и глупую радость, для которой не было причин, кроме этого светлого утра, моей юности и любимого дела.

Мобиль мэтра Даттона ждал нас на заднем дворе. Эта рабочая лошадка сильно отличалась от элегантной повозки, которую я наняла на вокзале в день прибытия. Рядом с сиденьем возницы располагалось еще два места для пассажира, а сзади – вытянутый фургон, сейчас заваленный коробками и свертками. В столице на подобных перевозили пациентов, когда требовалось срочно доставить их в больницу, а в маленькой больнице использовали, видно, для всех случаев жизни.

Мэтр Ланселот сел за рычаги управления, вдавил в панель выпуклый янтарный кристалл. Мобиль вздрогнул, будто живой, заурчал. Внутри него словно забилось сердце.

– Коробки с наборами для новорожденных и вещи для женщин от благотворительного общества, – пояснил мой руководитель, не глядя указав себе за спину. – Развезем, раз уж все равно выехали на обход.

Чем только не приходится заниматься начальнику провинциальной больницы!

– Монна Озис очень добра, – сказала я, безуспешно пытаясь скрыть иронию в голосе.

Мэтр Ланселот хмыкнул:

– Окружила заботой.

– Или просто – окружила.

Вот и кто меня тянул за язык? Я тут же уставилась в окно, делая вид, что я ничего не сказала. Нет-нет, вам почудилось! Но, пока отворачивалась, уловила в зеркале заднего вида, как на лице мэтра Даттона мелькнула улыбка. Однако он тут же снова сделался серьезен.

Пока мы пробирались по узким улочкам – именно пробирались, то и дело останавливаясь, чтобы не наехать то на очередного шалопая, выбежавшего на дорогу, то на прогуливающихся кумушек, – мэтр Ланселот рассказал, чем нам сегодня предстоит заниматься.

Ничего сложного: мы навестим беременных, которым вот-вот рожать, посмотрим, в каких условиях они живут, как себя чувствуют, и в случае необходимости направим в больницу. Район у нас бедный, иногда семья с детьми ютится в одной комнатушке. Матери семейства порой с радостью соглашаются на роды в больнице, потому что это единственная возможность для них как следует выспаться, наесться и отдохнуть. Но другие отказываются оставить семью и на пару дней, особенно когда на мужа в хозяйственных делах надежды мало.

Я держала в руках деревянный планшет с пришпиленным к нему листком, где были записаны адреса и имена. Не так много женщин, чей срок беременности подходит к концу: пять на сегодня.

Первой в списке стояла некая Белрикс Шмулле. Мэтр Ланселот остановил мобиль у трехэтажного желтого, в потеках воды, дома. В открытых окнах и на крошечных балкончиках сушились вещи, у подъезда в песочнице возились чумазые, но очень довольные маленькие оборотни: серая шерсть забавно топорщилась на загривках. Вот двое мальчишек повздорили из-за обломка ракушки, и у обоих удлинились уши и клыки. Сорванцы с рычанием бросились друг на друга, покатились по земле. Мой руководитель практики отловил одного за шиворот, приподнял.

– Здравствуй, Верле, где твоя мама?

Малыш-оборотень шмыгнул носом и указал рукой на второй этаж.

– Здравствуйте, господин целитель. Дома, где ж ей быть!

Когда мы отправились к крыльцу, маленький Шмулле снова вцепился в своего обидчика. В подъезде пахло кислой капустой и сыростью. Мой начальник сказал, что в доме проживает община оборотней и этот дом еще вполне ничего.

Сам обход не занял и пятнадцати минут. Мэтр Ланселот с трудом уговорил госпожу Шмулле оторваться от стирки. Оборотница с недовольным видом уселась на продавленный диван, сложив руки, покрытые пушистой серой шерстью, на огромном животе.

– За подарочки-то вам, конечно, спасибо сердешное, но в больницу я не поеду, уж не обессудьте! Дел невпроворот. У младшенького вот клычки режутся, пятый месяц пошел, пора уж. У среднего с оборотом беда: то уши человеческими останутся, а то, наоборот, весь день ходит с хвостом. Я думаю – балуется, а отец переживает. Жду не дождусь, когда станет подростком и будет, как все порядочные оборотни, менять ипостась в полнолуние. Так что я уж дома останусь. Да вы ведь знаете, как я быстро и легко детишек рожаю, все сделаю в лучшем виде, не сумлевайтесь!

– Хорошо, госпожа Шмулле, я не настаиваю. Для госпитализации у вас нет показаний, но разрешите, я все же быстро проверю состояние малыша.

– Валяйте!

Мэтр Ланселот поднял было руки и тут заметил меня, застывшую с коробкой в обнимку. Посторонился, пропуская к пациентке.

– Уступаю вам эту возможность, монна Амари.

Он так и звал меня монной. Я сначала отнекивалась, а потом смирилась. Наверное, в глазах пациентов я так выглядела более представительно.

Оценка состояния плода сложнее сканирования сосудов, но тоже безопасна. Я опустила руки на живот оборотицы, под пальцами толкнулся малыш.

– Тихо, тихо, маленький, – сказала я.

Мы с будущей матерью обменялись теплыми улыбками. Очень скоро стали заметны очертания маленького оборотня, который, как и положено, лежал головкой вниз. Он был весь покрыт темной шерсткой.

– Надо же, какой брюнетик, – с умилением произнесла госпожа Шмулле.

Я позволила магии пройти глубже, всмотрелась в очертания сердца, выискивая возможные пороки, проверила другие внутренние органы.

– Совершенно здоровый малыш. – Я отпустила магию.

– Отлично, монна Амари, – сдержанно похвалил наставник.

Я зарделась от радости. Совсем как первокурсница, которую похвалили за удачно наложенный шов.

Следующей по списку значилась Асцелинна Деахинай.

– Удивительно: судя по имени, я бы решила, что госпожа Деахинай – дворфа. Но это ведь невозможно. Они живут кланами, в подземных городах…

– Госпожа Деахинай – дворфа, – прервал мэтр Ланселот мои гадания.

– Но… Как?

– А вот об этом я бы не советовал спрашивать у будущей матери и расстраивать ее, – строго сказал начальник.

Я и не собиралась, но глубоко задумалась. Для дворфа жизнь вне клана – худшее наказание. А когда я увидела, в каком жутком месте проживает госпожа Деахинай, то и вовсе огорчилась. Свободолюбивый и гордый народ никогда просто так не променяет просторные каменные залы на ветхую лачугу, больше напоминающую сарай.

*** 10 ***

Ланс постучал в дверь. С той стороны послышались шаги, но они не приближались к двери, а удалялись.

– Госпожа Деахинай, это мэтр Ланселот! – окликнул он.

– Уходите, мэтр, – донеслось с той стороны. – Я не хочу никого видеть!

На лице Грейс отразилось возмущение. Только что она явно сочувствовала дворфе, но сейчас, кажется, переменила мнение о ней. Ланс нахмурился. Такое поведение совсем не походило на спокойную и вежливую Асцелинну Деахинай.

– Если вы сейчас заняты, я вернусь через час. Вы сможете меня принять? – терпеливо поинтересовался он.

Показалось или с той стороны донесся стон? Неужели роды начались прежде времени? Но тогда какой смысл прогонять целителя?

– Говорю же, я не хочу вас ви… деть! – Последний слог она выкрикнула.

Творилось что-то неладное. Ланс повысил голос:

– Госпожа Деахинай, впустите, или я выбью дверь.

– Пошел вон! – выкрикнули с той стороны, а потом раздался мягкий шлепок, точно мешок с мукой уронили. Больше Ланс не колебался. Шарахнул «воздушным кулаком» – дверь вылетела вместе с петлями.

Кровь была везде. Пятнала пол у двери, каплями вела к постели, рядом с которой корчилась женщина, пропитывала юбку.

– Уходите, – простонала госпожа Деахинай. – Мне не нужна ваша помощь.

Не слушая протестов, Ланс перевернул ее на спину, коснулся напряженного живота. Дворфа вскрикнула.

Плохо дело.

Ланс вытряхнул из саквояжа деревянную трубку-стетоскоп. Грейс вытаращилась на него так, словно мэтр Ланселот только что разделся до набедренной повязки, водрузил на голову гоблинскую шаманскую маску, разукрашенную кротовьими черепами, и начал колотить в бубен. Но объяснять было некогда. Он задрал дворфе блузу и приложил стетоскоп к животу. Облегченно выдохнул, услышав сердцебиение – слабо, замедленно, но сердечко плода колотилось. Пока колотилось.

– Грейс, в правом переднем углу кузова брезентовый саквояж, там операционная укладка и зелья. И еще прихватите один набор с приданым для младенца. Быстро.

Девушка исчезла на улице. Ланс снова перевел взгляд на госпожу Деахинай и выругался – женщина потеряла сознание. Осмотревшись, он сбросил с кровати постель, обнажив деревянное основание – ничего более подходящего для того, чтобы уложить пациентку в убогой комнатушке, не нашлось. Придется работать, согнувшись в три погибели, но выбора нет, они могут и не довезти роженицу до больницы.

Невысокая и коренастая дворфа оказалась неожиданно тяжелой, словно вся состояла из литых мышц. А с виду и не скажешь. Ланс начал стаскивать с пациентки одежду.

– Вот! – Грейс плюхнула на пол саквояж и сверток с вещами. Без спроса потянулась сканирующим заклинанием – неужели не поняла, что происходит?! – и ойкнула.

– Дворфы иммунны к магии, – подтвердил Ланс, стараясь не думать о том, что единственный раз видел – даже не делал! – как целитель работал вовсе без магии, на последнем курсе университета. Но если совсем ничего не делать, плод умрет и, возможно, вслед за ним и женщина.

Он выхватил из саквояжа склянку – смесь «Синей бездны» и лауданума, разжав дворфе зубы, начал по капле вливать в рот. Хотелось разом опрокинуть все содержимое – с каждой секундой промедления жизнь вытекала из плода вместе с кровью.

– Преждевременная отслойка нормально расположенной плаценты, – сказал Ланс. – Будем родоразрешать. Сможете одновременно ассистировать и держать свет?

Артефакта, дающего бестеневое освещение, здесь тоже нет.

– Смогу.

Лицо у Грейс, казалось, было таким же бледным, как у дворфы. Студентов не подпускают к по-настоящему критическим ситуациям. Справится ли, не сорвется? Думать об этом тоже было некогда.

– Тогда придвиньте сюда стол, разложите инструменты. Не забудьте спиртовой раствор йода. Накройте подготовленные инструменты полотном, обработайте все антисептическим заклинанием. Также обработайте косынку, фартуки и маски. Подготовьте пеленки, потом обработайте свои руки. Я сейчас.

Все-таки иногда полезно ждать от жизни всяких гадостей. Стерильную укладку, йод и прочее необходимое для операции без магии он положил в мобиль, узнав, что в квартале появилась беременная дворфа. Посмеивался над собой, называя параноиком. Женщина казалось спокойной и уравновешенной, даже учитывая ситуацию, в которой она оказалась. Беременность протекала идеально, насколько об этом можно было судить, не имея возможности магически обследовать пациентку. Но он слишком хорошо знал, что все способно измениться в любой момент.

Или накаркал?

Ланс отогнал эту мысль – сглаза не существует, это глупое суеверие – и зафиксировал пациентку на случай непроизвольных мышечных сокращений, все-таки без магии ни в чем нельзя быть уверенным. Обработал руки, густо смазал йодом твердый, будто каменный живот и взялся за скальпель.

– Лауданум подавляет дыхательный центр, – пояснил он Грейс, хотя та ни о чем не спрашивала. – Для матери в той дозировке, что она получила, это не страшно, но у ребенка могут быть проблемы, особенно учитывая, что ему еще месяц до срока. Поэтому у нас только пять минут на то, чтобы его извлечь.

Возможно, и меньше, учитывая ослабленное сердцебиение. Не будь госпожа Деахинай дворфой, хватило бы одной «Синей бездны», но магический компонент вытяжки из желез виверны пропал втуне, и зелье следовало усилить.

Хорошо, что эту операцию он делает не первый и даже не десятый раз. Плохо, что от неудобной позы ноет спина, отвлекая от процесса. Хорошо, что магия не действует только на пациентку и можно послать небольшой электрический разряд на скальпель, чтобы останавливал кровь. Плохо, что сосуды покрупнее приходится закрывать не магией, а зажимами, теряя драгоценные секунды.

Он извлек ребенка, протянул Грейс, одновременно подхватывая крючки телекинезом.

– Займитесь.

Будь они в больнице, малыша бы приняли Киран или Белинда, но сейчас их рядом не оказалось.

Грейс, на миг отвлекшись, выпустила свет, но тут же зажгла снова. Умница.

Ланс наложил зажимы, пересек пуповину. Оставалось извлечь плаценту и зашить операционную рану – уж завернуть малыша в пеленки практикантка должна суметь.

– Мэтр Даттон, так и должно быть? – спросила Грейс, и голос ее дрогнул.

– Нет. Держите крючки. – Ланс выхватывая у нее младенца.

Ребенок не кричал.

*** 11 ***

Было некогда гадать, в чем причина – лауданум ли, кровопотеря или преждевременное появление малыша на свет и незрелые легкие, не раскрывшиеся толком. Ланс устроил ребенка прямо на столе рядом с инструментами – все равно положить новорожденного в этой хибаре было больше некогда.

И заледенел, поняв, что не помнит, как проводить сердечно-легочную реанимацию без магии.

Нет, он помнил, как положить пальцы и что нужно сперва сделать спокойный выдох, а потом уже вдувать остатки воздуха в легкие ребенка. Но, пропади все оно пропадом, каково соотношение компрессий и вдохов? В Свином Копытце ему не раз доводилось реанимировать, но всегда – пользуясь заклинаниями.

Лихорадочно копаясь в памяти, Ланс машинально потянулся к магии. Заклинание сплелось само, почти без участия разума и – о чудо! – не провалилось в пустоту, как это случилось, когда он попытался воздействовать на дворфу, чтобы узнать, как ощущается иммунитет к магии.

Малыш – полукровка? Это многое объясняло.

Молясь про себя всему сонму забытых богов, Ланс снова коснулся ребенка заклинанием. Воздействие потребовало куда больше сил, чем обычно, словно вместо легкой спортивной рапиры ему вручили кузнечный молот. Но все же магия работала! Только бы не оказалось слишком поздно. Только бы не истощиться прежде, чем он сделает все, что нужно.

Сердечко ребенка забилось ровно и часто, легкие расправились. Крик показался Лансу оглушительным, хотя на деле был едва ли громче кошачьего мяукания.

Запеленав ребенка, Ланс пристроил его под мышку матери, чтобы не оставлять на столе без присмотра. Приложить к груди придется позже, когда зелье выйдет из организма женщины.

Спина покрылась липким потом, и ослабли колени, все-таки магическое истощение – крайне неприятная штука. Но по крайней мере руки не дрожат. Значит, убрать плаценту…

– Накожные швы – ваши, – сказал он Грейс, опускаясь прямо на пол.

Совершенно зря Ланс не положил в саквояж зелье восстановления магии. Что ж, выводы он сделает. И пару склянок в мобиль пристроит, и про реанимацию без магии перечитает. Задним-то умом все крепки.

– Мэтр Даттон? – встревоженно спросила девушка.

– Все хорошо, просто истощился, – успокоил ее Ланс.

Нет, до мобиля он дойдет. Сегодня практикантке и без того достало острых ощущений, не хватало еще полубесчувственного начальника на себе тащить. Ланс представил, как бы это выглядело, и едва подавил смех. Не надо, решит еще девочка, что он над ней смеется.

– Как удачно, что вы приехали к нам на практику, – сказал Ланс. – Один я бы сегодня не справился.

Она зарделась.

– Спасибо, мэтр Даттон, только я ничего особенного не сделала.

– Позвольте мне самому об этом судить. Вы ведь ни разу не встречались с такой патологией?

Вообще-то он тоже. Как-то миловали боги все эти годы.

– Нет. Не думала, что при этом бывает столько крови.

– Крови всегда кажется больше, чем на самом деле, так уж устроена человеческая психика. А вы отлично держались. – Ланс усмехнулся. – Когда я в первый раз присутствовал на родах, свалился в обморок.

– В самом деле?

– В самом деле.

Он тяжело поднялся. Интересно, хватит ли оставшихся крох магии, чтобы сотворить воды и привести себя в порядок? Хватило. Вот теперь можно тащить из машины складную каталку. Как раз и Грейс закончила.

Он проверил швы, подумал, стоит ли придраться к паре не слишком ровных стежков, и мысленно махнул рукой. Ребенок, пригревшись под боком матери, тихонько сопел.

– Будьте добры, приведите в порядок комнату, – попросил Ланс прежде, чем отправиться за каталкой. – Нехорошо будет, если госпожа Деахинай вернется домой, а тут все в засохшей крови…

«И мухах, которые непременно в ней разведутся», – подумал он, но не стал говорить вслух. Хорошая штука – бытовая магия, обычной водой разводы крови пришлось бы отмывать долго.

Он переложил дворфу на каталку, оставив малыша Грейс, и уже хотел везти женщину к машине, когда услышал:

– Мэтр Даттон, это лежало под кроватью. Запах странный.

Грейс протянула ему пузырек темного стекла, из горлышка пахло резко и остро.

Не может быть.

Ланс сунул мизинец в склянку, извлекая ярко-зеленую каплю. Не доверяя глазам, лизнул жидкость и тут же сплюнул.

Хорошо, что он давно не тот вспыльчивый парень, каким был, покидая столицу. В те годы, обнаружь он подобный пузырек у женщины, едва не погибшей из-за осложненной беременности, рвал бы и метал из-за человеческой, то есть дворфской, глупости, едва не унесшей на тот свет и мать, и ребенка. Сейчас он знал: делай, что должно, и будь что будет.

– Вытяжка горецвета. – Ланс огляделся в поисках мусорного ведра.

Лицо Грейс вытянулось.

– Она хотела избавиться от ребенка? Но на таком сроке это очень опасно!

– Что мы с вами только что и наблюдали, – меланхолично заметил Ланс.

Огляделся. Вроде комната в полном порядке. Ах, да…

– Грейс, вы не могли бы напоследок восстановить дверь? Признаться, я истощен почти полностью.

На лице девушки появилось возмущение. «Она создала нам столько проблем, довела вас до истощения, а мы ей еще дверь должны чинить?» – не надо было читать мысли, чтобы понять, о чем думает Грейс. Ланс мягко добавил:

– Пожалуйста.

Устроившись в мобиле, девушка наконец дала волю гневу:

– Как она могла?! Нет, я понимаю, бывают обстоятельства. Насилие, в конце концов. Но почти доносить и… – Она прижала к себе сопящий кулек.

Ланс улыбнулся ее горячности.

– Признайтесь честно, вас больше возмущает не то, что госпожа Деахинай чуть не убила себя и ребенка, а что она прибавила вам работы.

– Вовсе я не… – Она осеклась и вздохнула. – Мне обидно. Она едва не погибла сама вместе с малышом, вы истощились, а эликсир восстановления магии имеет неприятные побочки – и все это из-за глупого и опасного решения!

– С подобными глупостями вы будете сталкиваться каждый день, – пожал плечами Ланс. – Привыкайте.

– Но…

– Грейс, мы целители. Не воспитатели и не священники. Мы не можем изменить других. Не можем подумать за других, заставить ценить свою жизнь и здоровье, вести себя разумно и предусмотрительно. – Он усмехнулся. – Если бы все вокруг вели себя разумно и предусмотри-

тельно, мир стал бы куда скучнее. Никто бы не пел серенады под окнами любимой и не творил прочей романтической чепухи, заставляющей сердце биться быстрее.

Грейс зарделась, Ланс мысленно ругнулся. Что на него нашло? Магическое истощение отражается на способности мыслить здраво, наверное, в этом причина.

– Словом, все делают глупости, скорее часто, чем редко. Но от нас зависит лишь то, что творим мы сами. Решения, которые принимают другие разумные существа, – то, на что вы не можете повлиять, думать иначе означает мнить себя всемогущим. Чем скорее вы это поймете, тем лучше. Не поймете – не сможете работать. Бросите все, разочаровавшись в профессии и в людях вообще.

Грейс упрямо поджала губы, уставилась на дорогу. Ланс тоже замолчал. Он сказал все, что хотел, а дальше… либо набьет шишки и поймет, либо переключится на косметическую магию. Решать ей.

*** 12 ***

– Пейте!

Мэтр Ланселот протянул мне чашку, из которой я в прошлый раз пила кофе. Я взяла, не раздумывая сделала глоток, мимолетно удивившись, что сейчас напитка едва на треть чашки. Горло обожгло. Я раскашлялась, из глаз брызнули слезы, и пришло запоздавшее послевкусие крепкого алкоголя.

Так вот чем мэтр Даттон звенел в шкафу, пока я сидела в кресле, уставившись в одну точку. Сама не ожидала, что меня так подкосит. Я не испугалась крови, нет, но впервые так ясно осознала, что порой от нашего мастерства и готовности бороться до конца полностью зависит жизнь и смерть пациента.

Подумать только, если бы я не удержала свет, если бы упала в обморок, если бы… Тысячу разных если. Тогда ни глупой дворфы, ни ее малыша уже не было бы в этом мире.

Я справилась, но в машине меня накрыл отходняк – несмотря на теплый летний день, я тряслась как в лихорадке. Мэтр Ланселот меня о чем-то спрашивал. Я не отвечала.

В больнице он сначала распорядился насчет госпожи Деахинай, а после отвел меня в свой кабинет. И вот, пожалуйста, напоил какой-то гадостью!

– Ну-ну, Грейс, все хорошо.

Теплая ладонь погладила меня по спине: прикосновение целителя, помогающее дышать. Сразу сделалось легче. И в голове, надо признать, прояснилось.

– Не тратьте магию, – прошептала я. – Вам и так досталось.

– Никакой магии. – В голосе мэтра Ланселота почудилась улыбка.

Я обернулась, наши взгляды пересеклись. Его уставший и мой… Вероятно, полный недоумения. Руки мэтр Ланселот так и не убрал. А я и не хотела, чтобы он ее убирал. Стало так уютно и спокойно от его присутствия рядом.

– Все, кашель прошел?

Он отодвинулся, плюхнулся на диван. Взял вторую чашку – он принес две, – понюхал и с сожалением опустил обратно на стол. На моей спине между лопаток, там, где только что лежала его ладонь, ощущалась странная пустота. Я повела плечами, стряхивая наваждение.

– Грейс, у вас сегодня выходной.

– Но почему? – воскликнула я. – Нет, пожалуйста. Простите, если подвела и была немного рассеянной! Это больше не повторится!

Мэтр Ланселот моргнул, будто никак не мог взять в толк, о чем я говорю, потом, видно, сообразил:

– Грейс, это вовсе не наказание! Это скорее мне нужно объявлять выговор. – Он усмехнулся. – Если бы было кому объявлять. Вы не можете работать без отдыха и выходных! Поэтому сейчас вы подремлете в моем кабинете, а после отправитесь домой. Прогуляйтесь по городу, сходите в кофейню. Не знаю… Книгу почитайте!

– А вы? Вам тоже нужно выспаться, чтобы восстановить магию… – тихо сказала я.

Он дернул уголком губ и не стал ничего отвечать. Да я сама поняла: глупость сморозила. Днем он один и подменить некому. Не рвутся выпускники университета работать в провинциальной глуши в больнице для бедных. Спасибо, Киран берет ночные дежурства, да на крайний случай можно вызвать Белинду.

Мэтр Ланселот поднялся – от меня не укрылось, как тяжело ему было встать, даже побледнел, – вынул с верхней полки шкафа покрывало и протянул мне.

– Хорошего отдыха, Грейс.

Он вышел, тихонько притворив за собой дверь. Я закуталась в плед и несколько минут на самом деле дремала: с непривычки и на голодный желудок крепкий напиток ударил в голову.

Но уснуть так и не смогла. В голове вертелись мысли о дворфе и ее малыше. Полукровке, как сказал мэтр Даттон, поэтому благодаря магии удалось восстановить дыхание и поддержать сердечко.

Во мне смешались противоположные чувства: острая жалость к матери, которая решилась на отчаянный шаг, и одновременно злость на нее.

«А если она очнется и снова попытается избавиться от ребенка?»

От этой мысли меня словно подбросило на кресле. Уверена, мэтр Ланселот позаботился о безопасности младенца, но все же, все же… Раз уж у меня все равно выходной, я могу побыть с маленьким, а заодно прослежу за его непутевой матерью. Кофейня и прогулки подождут.

Я нашла госпожу Деахинай и малыша в отдельной палате. Дворфа еще не очнулась после действия лекарств, крошечный младенец спал в люльке, под бдительным вниманием Марты, расположившейся рядом на стуле. В руках охранницы мелькали спицы, и могу поклясться, она вязала крошечные пинетки. Марта поздоровалась со мной кивком и прошептала:

– Монна Амари, позвольте отлучиться на несколько минут.

– Да, конечно, Марта, не торопись.

Сиделка выскользнула за дверь, а я склонилась над малышом. На первый взгляд дворфик как дворфик. Рыженький, как все младенцы этой расы. Пухленький и щекастый. Вот только нос не картофелиной, а остренький, и бровки черные. Полукровка.

– Что, досталось тебе сегодня, маленький? – прошептала я и погладила сжатую в кулачок ручку.

Младенец, не просыпаясь, схватил меня за палец.

– Твоя беспутная мамаша едва не погубила такого чудесного мальчонку. Ну ничего, малыш, мы тебя в обиду не дадим.

– Беспутная мамаша, – прошелестел за моей спиной едва слышный голос. – Тварь. Позор рода. Грязная шлюха.

Я в ужасе обернулась и уставилась на дворфу. Как все дворфы, госпожа Деахинай была коренастой и плотной, с круглым лицом. Шикарные густые волосы, похожие на расплавленное золото, разметались по подушке. Сколько ей лет, интересно? На вид – совсем девчонка, моложе меня…

– О чем вы говорите? – строго спросила я.

– Просто перечисляю, какие слова я услышала в свой адрес за последние месяцы, – тихо произнесла она. – Так что «беспутная мамаша» – это еще мягко.

Дворфа была едва жива, потеряла много крови и, наверное, чувствовала себя отвратительно, но я поразилась достоинству, с каким она сейчас держалась. Моя злость внезапно испарилась. Я взяла стул и присела рядом с ее кроватью.

– Какие жестокие слова.

– Да, особенно когда их произносят твои родители…

Госпожа Деахинай на мгновение закрыла глаза, борясь со слезами.

– Я старалась быть сильной, – прошептала она. – Старалась, вопреки всему. Я хотела доказать им, что справлюсь даже в изгнании, даже без поддержки рода. Пусть меня навсегда вычеркнули из семейной книги и предали забвению… Я боролась ради моего ребенка, ведь он ни в чем не виноват, но…

Она с отчаянием и мукой посмотрела туда, где стояла детская колыбелька.

– Лучше бы вы дали нам умереть. Лучше быстрая смерть. Я не выдержала испытания…

– Смерть не может быть лучше! – воскликнула я и, не осознавая, что делаю, взяла дворфу за руку.

Ее ладонь была очень горячей, гораздо горячей человеческой.

– Всегда есть выход!

Но госпожа Деахинай качнула головой и отвернулась. Другого выхода она для себя не видела.

– Расскажите, что случилось. И, может быть, я смогу вам помочь!

– Не сможете… – вздохнула она. – Но я расскажу. Мне нужно поделиться своей историей хоть с кем-нибудь, я так долго держала ее в себе.

*** 13 ***

– Я давно знала, что выйду замуж за Далмафа Тхрелгула. Когда я родилась, он уже был почтенным дворфом с бородой ниже колен. Наш брак объединил бы наши кланы: мой, Каменной Кирки, и его, Гранитного Уступа, – негромко начала госпожа Деахинай.

Она смотрела в потолок, будто там, над головой, разворачивались сцены из ее жизни. Я тоже украдкой взглянула, но, конечно, ничего не увидела.

– Далмаф Тхрелгул был третьим сыном главы рода и наконец удостоился чести взять себе жену. В детстве я считала его дальним родственником, который навещает нашу семью. Он сажал меня на колени, расчесывал волосы. Я привыкла, что у меня есть чудаковатый и угрюмый дядюшка, но его прикосновения отталкивали меня, и когда я немного подросла, то при его появлении предпочитала прятаться в пещере Хрустальных Голосов, где эхо превращало каждый звук в перезвон стеклянных колокольчиков. Там я могла побыть наедине с собой… Правда, отец неизменно отыскивал меня и приводил к гостю.

Я молча кивала, а в душе все переворачивалось. Не мне судить чужие обычаи, но это отвратительно – выдавать юную девушку за старика!

– Наступил год моего совершеннолетия, когда девушек объявляют невестами. Если пересчитать в человеческих годах, мне исполнилось шестнадцать. И тогда родители признались, что этот мрачный дворф с холодными ладонями и прозрачными, будто горный хрусталь, глазами – мой будущий муж. Я рыдала несколько дней, умоляя пожалеть меня, но слышала только, что господин Тхрелгул – достойный дворф и составит мое счастье. Что он еще достаточно молод для того, чтобы иметь детей, что я стану младшей женой в роду Гранитного Уступа, одного из великих родов.

Дворфа облизала сухие губы. Я встала, наполнила стакан водой и, приподняв голову госпожи Деахинай, помогла напиться. Мы должны называть пациентов «госпожа», «господин»… Но сейчас передо мной на постели лежала просто юная девочка, растерянная и отчаявшаяся.

– Шло время, и постепенно я смирилась с выбором родителей. Хотя почти перестала петь и танцевать под сводами пещеры Хрустальных Голосов… И тут случилось нечто перевернувшее мою жизнь.

По бледной щеке сползла одинокая слезинка, и дворфа сердито вытерла ее тыльной стороной ладони.

– Иногда в наш благословенный подземный город Загдур спускались купцы. Мой род Каменной Кирки славился изготовлением украшений, мы обменивали их на ткани, посуду, пряности… Отец впервые взял меня с собой на торги. И там я увидела его…

Госпожа Деахинай надолго замолчала, провалившись в воспоминания.

– Его? – осторожно переспросила я.

– Его звали Реми. Человеческий юноша. Сын купца. Наши отцы заключали сделки, обсуждали товар, а мы поглядывали друг на друга из-за их спин и улыбались. Он был таким ладным… Высоким, черноволосым, стройным. Глупо заглядываться на людей, я знаю. Реми успел шепнуть мне, чтобы я приходила ночью. Попросил показать ему подземные красоты… Украдкой намотал на пальцы мой локон и сказал, что мои волосы – словно солнечный свет, который можно потрогать. От этих слов у меня и сердце загорелось, будто солнце… Какая же я была дурочка, радовалась, точно дитя. Нафантазировала себе, что мы с Реми – родственные души, нашедшие друг друга. Думала, что он спасет меня из заточения и от жениха… Я удрала из дома, когда все уснули.

Дворфа всхлипнула, впервые потеряв самообладание.

– Что же, я показала ему пещеры… И еще то, как умеют любить глупые юные дворфы с пламенным сердцем. А когда утром вернулась к становищу купцов, оказалось, что они уехали на рассвете.

Я кинула невольный взгляд в сторону колыбельки с чернобровым малышом. Так вот, значит, в кого у него черные бровки… Порвала бы на части этого Реми, если бы отыскала!

– Я долго скрывала свой позор, но, когда скрывать стало невозможно, во всем призналась матери. Я надеялась, что в ее душе найдется немного жалости к дочери и будущему внуку, что она не выгонит меня на улицу с ребенком на руках, но… Собрался совет рода, который постановил, что мой проступок недостоин прощения. Мой бывший жених Далмаф Тхрелгул разломал над моей головой брачный венец, усыпанный кристаллами, – родители выращивали их со дня моего рождения. А после он плюнул мне на туфли. Отец вычеркнул мое имя из книги рода. После чего меня проводили к устью пещеры, дав с собой один хлеб на дорогу до города…

Я поймала себя на том, что сижу, зажимая рот рукой. Не хватало еще, чтобы ужас, отразившийся на лице, добавил дворфе переживаний. Я совладала с чувствами и ободряюще улыбнулась.

– Вы хорошо справлялись!

– Я бралась за любую работу. Мыла посуду, полы, помогала в огородах. Я сняла жилье и кое-как сводила концы с концами. Однако как только хозяева узнавали, что я жду ребенка, они выгоняли меня в тот же день. Я их не виню, никому не нужны сложности…

– Но вы держались…

– До вчерашнего дня. Я так радовалась, что нашла место горничной в хорошем доме. Не на полный день, на несколько часов. И все же я рассчитывала за месяц накопить достаточно денег, чтобы продержаться после родов, окрепнуть и снова найти работу. Однако хозяйка, узнав, что я забеременела вне брака, обозвала меня подстилкой и прогнала прочь. А когда я шла мимо окон, облила с ног до головы помоями… И тогда я поняла, что не могу обречь невинного ребенка на жизнь в этом аду, где любой может плюнуть ему вслед, обозвать ублюдком лишь за то, что его мать однажды совершила глупость.

Бедная, бедная. А первым, что она услышала, придя в сознание, стали мои слова о беспутной мамаше! Дать бы себе по губам за них!

– Госпожа Деахинай, сейчас отдыхайте, ни о чем не волнуйтесь. Мы позаботимся о вас и о ребенке.

Дворфа промолчала, отвернувшись к стене. Она больше не верила обещаниям.

В комнату вернулась Марта, а я отправилась разыскивать мэтра Ланселота. Пусть только попробует сказать, что проблемы пациентов заканчиваются за порогом больницы! Но, насколько я могу судить, мой руководитель не такой человек. Хотя… Что я знаю о нем на самом деле? Если правдивы слухи и он бросил в столице обесчещенную девушку, то чем он лучше этого мерзавца Реми?

*** 14 ***

– …и мы должны ей помочь! – заключила Грейс.

Ланс опустил подбородок на скрещенные пальцы. Девушка сейчас была чудо как хороша: румянец окрасил щеки, огромные глаза пылали праведным негодованием – как могли довести бедную дворфу до края?! Под взглядом Грейс Ланс на миг ощутил себя старой циничной сволочью.

К слову, было ли среди зелий, назначенных госпоже Деахинай, антидепрессивное? Нет, определенно. А существуют ли такие, что подействуют без магии и не повредят новорожденному?

Он подавил соблазн углубиться в задачку по магофармакологии, отделавшись от Грейс какими-нибудь ничего не значащими, но успокаивающими словами. Девочка впервые столкнулась со злом во всей его мерзости. И теперь намеревалась спасти весь мир. Значит, кому-то придется побыть старой циничной сволочью.

– Мы должны. – Ланс выделил голосом первое слово.

Грейс поняла намек. Она вообще оказалась на удивление сообразительной. Впрочем, почему «на удивление»? Девушка, сумевшая не только заработать грант на бесплатное обучение в университете, но еще и стипендию, не может быть дурой по определению. Что не мешает ей быть до дурости наивной.

– Я надеялась, что… – Ее руки собрали юбку в складки, снова разгладили. Грейс упрямо вскинула голову. – Надо вовсе не иметь сердца, чтобы остаться в стороне!

– А ваше сердце, значит, большое и щедрое, – съязвил Ланс.

Девушка вспыхнула, открыла рот. Ланс жестом остановил ее.

– Знаете, у меня была тетушка… На самом деле она приходилась мне двоюродной бабушкой, но все мы звали ее тетушка. Удивительной доброты женщина. Ее муж застрелился, проиграв состояние, второй раз тетушка Марибет замуж не пошла, хотя кавалеры кружили вокруг нее еще долго и даже очень скромные доходы не пугали их. Детей у нее тоже не было, внучатые племянники выросли и перестали нуждаться в постоянной опеке.

– При чем тут…

– У нее было доброе сердце, как я уже говорил. Она не могла пройти мимо бездомного котенка, особенно зимой. Сначала их было три. Потом восемь. Потом… Доходы, как вы помните, у нее были очень скромные. Мы пытались с ней поговорить. Объяснить. Ничего не вышло, возможно, уже начали сказываться возрастные изменения. Она рассорилась со всеми, огородила особняк магией и прекратила пускать туда кого бы то ни было. Когда тетушка Марибет умерла, мы обнаружили в доме восемьдесят кошек разных возрастов. Тощих, облезлых, те, что посильнее, убивали и ели чужих котят. Но тетушка была уверена, что спасла их.

– Не понимаю, к чему вы клоните. – Грейс попыталась подпустить в голос холода, но вышло так себе. – Люди… разумные существа – не котята.

– У тетушки Марибет было доброе сердце, но ей не хватало холодного рассудка понять, где предел ее возможностей. Вы правы, разумные существа – не котята. Вы пообещали помощь отчаявшейся женщине, не подумав, как именно будете помогать. У вас есть средства хотя бы нанять няньку для ее малыша, пока она не получит первое жалованье?

Грейс опустила голову.

– Или, может быть, есть связи, чтобы найти тех, кто действительно в силах что-то сделать?

Девушка вскинула голову, и Ланс улыбнулся краем рта.

– Вы были уверены, что я с радостью соглашусь помочь, потому что чувствую ответственность за свою пациентку, так? И пообещали. Не подумав, как будете исполнять обещание, если я все-таки не соглашусь.

Он позволил молчанию повисеть какое-то время.

– Я извлек урок из истории тетушки Марибет. Нельзя спасти с улицы всех бездомных котят.

Врал, конечно. В первый год в этой больнице он довел себя до того, что свалился в обморок прямо на операции. Сколько он тогда не спал? Трое суток? Хорошо, что уже тогда был Киран, сумевший и вовремя выхватить инструмент, пока Ланс не навредил пациенту, и довести операцию до конца. Только тогда Ланс действительно что-то понял.

– Но… вы же можете…

– Варианты есть, – холодно согласился Ланс. – В городке Мышегребово, это тридцать лиг отсюда к северу, при церкви святой Тамары есть приют для женщин, таких как госпожа Деахинай. Действительно хороший. Приемные родители приезжают туда даже из столицы.

– Приемные родители?

– Вы же понимаете, что женщина без образования и с ребенком на руках не сможет заработать на жизнь? Или сможет… определенным образом. – Он цинично ухмыльнулся, Грейс залилась краской. – Вы этого желаете дворфе? А так, без младенца, у нее будут развязаны руки, в приюте ей дадут профессию. Белошвейки, кружевницы, вышивальщицы. Профессию и рекомендации.

– И навсегда отказаться от ребенка? – Грейс вскочила. – У вас нет сердца! Вы только и можете, что искать в людях гадости. «Заработать только определенным образом», – передразнила она. – Вы такой же, как этот Рени! Вы…

– Вы устали, монна Амари, – холодно перебил ее Ланс. – Ступайте домой и отдохните.

– И не затыкайте мне рот! Думаете, если прогоните меня, я переменю свое мнение о вас? Вы жестокий, бессердечный…

Ланс подождал, пока она иссякнет. Надо признать, Грейс действительно была начитанной. Ни разу не повториться и не скатиться на площадную брань…

– Вы намерены продолжать практику под руководством жестокого, бессердечного и так далее и тому подобное типа? – поинтересовался он, когда Грейс замолчала, тяжело дыша, словно только что пробежала пару кварталов.

Она открыла рот… и закрыла. Румянец сменился белыми пятнами. Сообразила, пусть и не сразу, что не слишком разумно бросаться обвинениями в человека, от которого зависит, давать ли по итогам практики рекомендацию на последний курс.

– Да, мэтр Даттон, – пролепетала Грейс.

– В таком случае ступайте домой и отдохните, как я вам и советовал час назад. Вернетесь через три дня. Если я обнаружу вас в больнице раньше – уедете в столицу немедленно.

– Я… прошу прощения. – Было видно, что эти слова дались девушке нелегко.

– Вы поняли указания?

– Да.

– Тогда всего доброго, монна Амари. Встретимся через три дня.

*** 15 ***

Удивительно, как быстро человек привыкает к хорошему. Хватило лишь недели, чтобы Лансу стало казаться, будто Грейс была рядом всегда, – и как же ему недоставало ее последние три дня! Нет-нет, ничего такого – просто привык, что есть кому подать инструменты, провести несложную манипуляцию, заполнить историю болезни, на худой конец. Недоставало ее вопросов. А еще, оказывается, он привык проговаривать свои действия вслух, и пару раз Ланс ловил себя на этом.

Так что, снова увидев девушку, он расплылся в улыбке, как мальчишка. Грейс обдала его холодом, и улыбку пришлось пригасить. Все еще злится…

Додумать он не успел.

– Помогите, кто-нибудь! – раздался из коридора мужской голос с характерными рычащими нотками.

Грейс вылетела из кабинета, Ланс вышел следом.

– Папа, поставь меня! – послышался другой голос, такой же рычащий, но звонкий и ломкий. – Я отлично себя чувствую!

Ну да. Отлично. В нос шибанул запах гниющей заживо плоти. Здоровенный оборотень держал на руках еще одного – тоже взрослого, но поменьше и полегче, и затравленно озирался по сторонам. Расцвел, увидев Берта, выскочившего раньше Ланса.

– Проходите сюда, – сказал санитар, открывая дверь в смотровую. – Встретился взглядом с Лансом. «Плохо дело», – говорил этот взгляд.

Плохо дело – это Ланс заметил и сам, и не только по запаху. Ногу молодого оборотня раздуло так, что это было заметно даже из противоположного конца коридора.

– Извините нас, мэтр Ланселот. – Он попытался сесть на кушетке, но смог лишь приподняться на локтях и снова упал обратно. – Не знаю, чего папа переполошился. Я совершенно нормально себя чувствую…

Ланс окинул его взглядом. Ну да, совершенно прекрасно. Только лихорадочно блестят глаза, ноги отекли так, что штанины треснули по шву, а пальцы почернели. И пульс в три раза чаще нормы – нормы для оборотней, естественно.

Снова проклятие или что-то другое? Слишком сильный отек…

– Вечером у сына поднялась температура, но он уверял, что нормально себя чувствует, просто простыл, – сказал старший оборотень. – Ночью в доме появился запах…

Да уж, если Лансу хотелось заткнуть нос, то чувствительное обоняние оборотня должно было заставить забить тревогу еще раньше.

– Но Ерар продолжал уверять, что чувствует себя хорошо, и отказался идти в больницу. Дескать, нечего беспокоить занятого человека. Он бы и сейчас не пошел, если бы я его не принес. Но хоть жар прошел.

Ланс встретился взглядом с Грейс. То, что температура снизилась, вовсе не было хорошим признаком – просто организм не выдержал ядов, которые выделяли омертвевшие ткани, и больше не мог поддерживать высокую температуру. Потому и давление упало, и пульс частит. И еще яды поразили мозг, из-за чего молодой оборотень толком не осознает свое состояние. Ему кажется, что все прекрасно, а что не может даже сесть – так это недоразумение.

– Не было никаких травм? Царапин? – уточнил Ланс, сканируя ткани.

Нет, это не инфекция. Проклятие некроманта. Что-то слишком уж часто стала попадаться редкая болезнь.

– Я иду домой! – заявил Ерар, снова пытаясь подняться. – Вы не имеете права меня тут держать. И ты, папа, тоже, я совершеннолетний оборотень и знаю, что дела…

Он осекся на полуслове и распластался на кушетке. Ланс подхватил заклинанием остановившееся сердце.

– Грейс, держите дыхание! – скомандовал он. – Берт, выведи отца!

– Я никуда не пойду! – зарычал тот. – Я должен…

– Пойдемте. – Берт обманчиво-мягко обнял старшего оборотня за плечи. – Мэтр Ланселот знает свое дело, не будем ему мешать.

Что ответил отец, Ланс не услышал. Не до того было. Продолжая поддерживать сердце, упорно не желавшее биться самостоятельно, он одновременно пытался просканировать оборотня и понять, насколько необратимые повреждения нанесли органам токсины из разлагающихся тканей. Печень поражена, но возможности для регенерации есть. Мозг тоже может восстановиться. Сердце… если каким-то чудом поддержать его, пока не удастся снять интоксикацию…

Не удастся. Почки не спасти, а значит, не спасти и парня.

Все же он попытался. Держал сердце, по каплям вливал в оборотня зелья, старался нащупать хоть какой-то очажок, из которого можно запустить регенерацию – проделывать все это было не проще, чем пройти по канату, жонглируя горшками с кактусами.

Бесполезно. Все было бесполезно.

До чего неудачное сложение обстоятельств! Если бы парень не был оборотнем… они живут меньше людей и болеют быстрее. Если бы оказался в больнице чуть раньше…

Ланс отпустил сердце.

– Мэтр! – вскрикнула Грейс.

– Все, монна Амари. Мы ничего не можем сделать. Посмотрите сами, и поймете.

Девушка прикусила губу. Она все понимала, только смириться не могла.

Ланс подавил желание со всей дури саданутъ кулаком по кушетке рядом с телом. А потом выйти, схватить оборотня за грудки и высказать все, что он думает о родителях, у которых сын – пусть и взрослый – горит в лихорадке и гниет заживо, а они ждут утра, чтобы никого не беспокоить. Возможно, ночью Киран смог бы что-то сделать.

Нет. Отец не мог знать, иначе наверняка примчался бы, не слушая сына. А теперь и без Ланса прекрасно начнет себя винить. Мертвого это не вернет. Просто самому Лансу хочется найти, на кого переложить ответственность, чтобы стало легче. Но так нельзя. Нечестно. Он мысленно воспроизвел свои действия. Все было правильно. Только бесполезно.

– Пойдемте, Грейс… монна Амари, – поправился он. – Бывает так, что мы бессильны.

Когда открылась дверь, оборотень вскинулся – и застыл, поняв, в чем дело.

– Все? – тихо и очень безнадежно произнес он.

– Простите, господин… – Ланс вдруг понял, что не знает имени оборотня. Парня звали Ерар. А отца? – Болезнь вашего сына развивалась стремительно. Состояние было очень тяжелым. Мы сделали все, что смогли. Мои соболезнования.

Оборотень молчал. Просто сидел и молча смотрел перед собой.

– Когда я могу его забрать? – произнес он наконец тихо и беэмоционально.

– Когда сочтете нужным. Мы можем перенести его в ледник, пока вы ищете помощников.

– Нет. Я заберу его сейчас.

Ланс не стал спорить.

*** 16 ***

Я вышла из палаты и бездумно побрела по коридору. Слышала, как за спиной мэтр Ланселот дает распоряжения Берту, а после спокойно и выдержанно отвечает на вопросы убитого горем отца.

«Ну как же так, как же так… Ведь Ерар утверждал, что чувствовал себя хорошо, разговаривал и вдруг… мертв!»

Ни о чем другом думать не получалось. Вот мэтр Даттон – каменная глыба, а не человек: ни эмоций, ни сострадания. Что-то вроде механического мобиля: только кажется, что у него тоже есть сердце.

Я обманулась его чуткими руками и профессиональными навыками, пришла за помощью, а он отчитал меня, как бестолковую первокурсницу.

Хотя, следует признать, урок я усвоила. Нельзя обещать пациентам того, чего не можешь исполнить. Впредь буду рассчитывать только на себя.

Я забилась в закуток между двух дверей – небольшую нишу, где хранились швабры и тряпки, опустилась на перевернутое ведро и спрятала лицо в ладонях.

Надо взять себя в руки. Умыться. Проверить пациентов, посмотреть истории болезни. Хотя пустое это все, пустое… Главное, что нужно сделать, – набраться смелости, зайти в палату госпожи Деахинай и признаться, что я поступила не очень умно, обнадежив ее.

Все три дня я провела в поиске работы для дворфы. Начала с хозяйки пансиона – самой близкой моей знакомой в Свином Копытце. Гоблинка удивилась, когда утром после завтрака я не сбежала, как обычно при ее появлении, а напротив, заговорила первой. О природе, погоде и о том, как женщине без образования, но очень старательной и милой трудно найти работу в маленьком городке. Госпожа Тоби призналась, что ей как раз нужна помощница по хозяйству, пойдет и необученная девушка, наука-то невелика – пыль мести да полы скрести. Но как только я сообщила, что работница – молодая мать, весь интерес хозяйки сошел на нет.

– С довеском, значит? Да еще и без мужа. – Она отрицательно затрясла головой. – Нет-нет, греха не оберешься, у меня приличное заведение!

– А может быть, вы знаете кого-то…

– Нет!

Она резко встала, давая понять, что беседа окончена.

– А тебе, незамужней девице, не стоит водиться с такими! Гулящими! Это ведь как зараза – не успеешь опомниться, как сама с пузом!

Этот разговор сильно меня раздосадовал, но я не сдалась. Спрашивала в лавках, куда заходила купить хлеба, спрашивала в цветочных магазинах – везде, где предоставлялась возможность. На меня косились кто с удивлением, кто с раздражением, но принять на работу мать с младенцем на руках никто не пожелал: никому не нужна была обуза.

На практику в больницу я возвращалась с тяжелым сердцем. Мысленно перебирала слова утешения: «Мне жаль… Никогда нельзя сдаваться…» Госпожа Деахинай пробудет в больнице еще несколько дней, а потом вернется в свою ветхую лачугу, да не одна, а с малышом. Ей не утешения сейчас нужны, а помощь.

И будто мук совести было недостаточно, утро оглушило меня смертью молодого оборотня! Ему бы еще жить и жить…

Я энергично потерла лицо, похлопала по щекам. Давай, Грейс, приходи в себя! Надо работать! Пациенты нуждаются в помощи, а госпожа Деахинай заслуживает честного признания.

В палате дворфы многое изменилось с тех пор, как я там побывала в последний раз. Шторы раздвинуты, люлька с младенцем стоит рядом с постелью матери, а сам малыш на руках

госпожи Деахинай, полулежащей на подушках. Я огляделась в поисках Марты, но сиделки не увидела.

Дворфа заметила меня и улыбнулась светло и искренне.

– Светик, посмотри, кто к нам пришел, – заворковала молодая мать, приподнимая мальчонку так, что мне стал виден его остренький носик и сложенные домиком тонкие бровки. – Это тетя-целитель. Она хорошая.

Не знаю, как у меня сердце не разорвалось от боли и стыда. Как сказать ей?..

Я осторожно приблизилась и улыбнулась ребенку.

– Светик, значит?

– Светозар. Мой маленький солнечный лучик!

– Госпожа Деахинай… – Горло перехватил спазм, пришлось начать заново: – Уважаемая госпожа Деахинай…

Но дворфа не слушала меня, продолжая ворковать с младенцем:

– Она хорошая, очень добрая. И дядя-целитель добрый. Дядя-целитель чудесный. Они так много сделали для нас! Через три дня мы с тобой отправимся в новый дом, в теплый и уютный дом.

– Приют при церкви святой Тамары? – прокаркала я каким-то осипшим, совершенно чужим голосом.

Дворфа вскинула удивленный взгляд.

– Нет, никогда не слышала о таком приюте. Мы поедем в дом монны Беларикс, где я буду работать кормилицей. Монна Беларикс вчера заходила познакомиться со мной и Светиком. Добрейшая эльфийка. Они с мужем больше полувека мечтали о ребенке, но счастье улыбнулось им только сейчас.

У меня вдруг ослабели ноги, и я, не спрашивая позволения, присела на край постели. Дворфа подвинулась, уступая место, и продолжила:

– Монна Беларикс знает о моих обстоятельствах, но она сказала, что каждый младенец – благословение небес и неважно, в браке он рожден или вне его. А когда ее сынок подрастет и не будет нуждаться в кормилице, я стану няней. Мы все обговорили.

– Так это мэтр Ланселот устроил?..

Госпожа Деахинай рассмеялась:

– Вы меня не проведете, монна Амари! Господин целитель сказал, что это все благодаря вам! Монна Амари? – Голос дворфы сделался встревоженным. – С вами все хорошо? Вы так побледнели!

– Трудное утро, – выдавила я. – Выпью воды… Я еще навещу вас и Светика.

О великие боги и все их святые! Какой же я была идиоткой! Снова! Нужно отыскать мэтра Ланселота и извиниться перед ним.

Руководитель нашелся в пустой палате, откуда уже забрали тело несчастного оборотня. Сидел, сгорбившись на кушетке, уронив руки между колен, и его лицо сейчас вовсе не казалось безразличным. Для него смерть пациента тоже стала ударом… Да только я сбежала от убитого горем отца, а он уйти не мог, не имел права.

Я тихонько приблизилась и встала рядом. Мэтр Ланселот увидел движение и вскинулся, заметил меня и улыбнулся растерянно, будто мальчишка.

– Вы молодец, монна Амари, – сказал он. – Вы отлично держались и очень мне помогли.

– Вовсе я… не молодец…

Я хотела сказать, что сожалею о тех жестоких словах, которые наговорила ему в порыве злости, и что вовсе не считаю его безжалостным мерзавцем, но вместо извинений вдруг разразилась рыданиями.

Как глупо! Недостойно целителя! Я должна немедленно успокоиться, должна!..

Мои ладони неожиданно оказались в теплых руках мэтра Ланселота, а я сама – между его колен.

– Тихо, Грейс, тихо… Пальцы совсем ледяные.

Он поднял голову, глядя на меня снизу вверх. Впервые я так близко видела его лицо, уставшее, но очень красивое. Тени под глазами его вовсе не портили. Мэтр Ланселот смотрел на меня, но не строго, как начальник, – я успела изучить этот его суровый взгляд. И не с иронией, ему присущей, а… Как мужчина смотрит на заинтересовавшую его женщину…

Я так удивилась, что даже плакать перестала, но он не заметил перемены в моем настроении.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.